

Очерк третий

ИМПЕРИЯ

Британский историк Рональд Робинсон в статье с провокационным названием «Неевропейские основания европейского империализма», которая была опубликована в 1972 году, провозгласил необходимость создания новой «теории империализма»¹. «Старые» теории исходили исключительно из логики капиталистического развития Европы, которой понадобились колонии (как рынки сбыта и сферы извлечения ресурсов) и которая, соответственно, безраздельно господствовала в них. По мнению Робинсона, «новая теория должна признать, что империализм в равной мере был производной как самой европейской экспансии, так и сотрудничества (или отказа от сотрудничества), демонстрируемого его местными жертвами. Мощные силы, производимые индустриальной Европой, было необходимо объединить с элементами аграрных обществ остального мира. Без этого империя не смогла бы функционировать»². Другими словами, империи создавались, как считает автор, совместно европейцами и неевропейцами через их взаимное сотрудничество.

Европа, писал Робинсон, приходила в другие части света со своими представлениями и интересами, но смогла создать устойчивую систему управления, только переведя свою власть на язык «местной политической экономии». По убеждению британского историка, без *коллорационистов* (исключая какой бы то ни было негативный оттенок этого слова), или посредников, то есть людей, которые сами заинтересованы

¹ *Robinson R. Non-European foundations of European imperialism: Sketch for a theory of collaboration // Studies in the Theory of Imperialism / R. Owen, B. Sutcliffe (eds.). London: Longman, 1972. P. 117—140.*

² *Ibid. P. 118.*

в приходе европейцев, империи невозможны. «Финансовые сухожилия, а также военные и административные мускулы империализма задействовались при посредничестве местных элит самих завоеванных стран»³. С точки зрения посредников, завоеватели приносят с собой новые источники власти и богатства, которые могут быть использованы местной элитой и послужить для укрепления ее могущества, а значит, колониальное управление местным элитам было нужно не меньше, если не больше, чем иноземным. Завоеватели же имели довольно ограниченные силы, чтобы полностью контролировать коллаборационистов и использовать их исключительно в своих собственных интересах.

Несмотря на то что в такого рода рассуждениях проглядывает стремление оправдать колониальную политику, они представляют тем не менее целый ряд привлекательных возможностей. Эта точка зрения позволяет увидеть более сложную совокупность моделей поведения колонизируемых и колонизаторов, нежели простая схема доминирования, подчинения и сопротивления, которая все взаимоотношения в колонизированном сообществе сводит к довольно ограниченному набору реакций на действия извне. Схема Робинсона также ставит под вопрос всеисилие европейской колониальной власти, ее безграничную способность односторонне создавать знание о неевропейцах и навязывать свои представления и предрассудки подчиненным обществам, вынуждая их безоговорочно принимать новые категории и порядки.

В настоящем очерке я попытаюсь приложить эту схему к Средней Азии. В частности, попытаюсь проанализировать то, как представала мало чем примечательная, запрятанная в горах, далеко от городов, Ошоба в разного рода документах, составленных российскими имперскими чиновниками, какими представлялись в их глазах ошобинское сообщество и отношения внутри него, что именно в первую очередь интересовало колониальную власть. Тот факт, что источников не так уж и много, сам по себе важен, так как позволяет обнаружить лакуны, разрывы и ошибки в колониальном знании, увидеть, с одной стороны, как эта неполнота возникает, а с другой — как благодаря такой неполноте образуются диспропорции во взаимодействиях колонизаторов и коло-

³ *Robinson R.* Non-European foundations of European imperialism. P. 120.

низируемых, как она используется для управления и подчинения, каким образом слабость превращается в силу.

Империя собирает сведения

Пути

В России первые сведения о юго-восточных предгорьях Кураминского хребта стали появляться в первой половине XIX века, когда через перевал Кендыр-даван (Кендырлик)⁴, разделяющий долину реки Ахангаран и Ферганскую долину, началось интенсивное передвижение российских посольств, направлявшихся в Коканд или из Коканда⁵. Эти данные содержались в «дорожниках» (дорожных записках) с более или менее подробным описанием пути следования. Такие «дорожники» выполняли двойную задачу: с одной стороны, давали какое-то общее представление о регионе, который путешественник мог ограниченно наблюдать, а с другой — фиксировали маршрут, по которому могли продвигаться войска в случае необходимости.

Российский военный А. Хорошхин, который побывал в Фергане в 1867 году, оставил краткую характеристику здешних селений: «Мулламир — таджикское селение в 30—40 дворов», «В Бодархане [Бабадархане] 100 дворов; жители таджики. Влево от Бодархана <...> стоит городок Пангаз в 1000 дворов; за Бодарханом <...> кышлак Курук в 100 дворов, затем городок Шайдан в 500 дворов», «Влево от Шайдана <...> лежит

⁴ Этот перевал на высоте чуть более 2000 м был очень древней дорогой из Ферганы в Ташкент (*Бабур-наме*. Записки Бабура. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993. С. 56, 78, 119; *Мирза-Мухаммад-Хайдар*. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996. С. 351).

⁵ *Потанин Г.* Показания сибирского казака Максимова о Коканском владении // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 28. № 3. СПб., 1860: «Из Ташкента в Кокан дорога идет через места: Бишарык, Шайдан, Акджар, Кокан, всего 3 дня, на телегах б...» (С. 66). См. также: Карта Коканского ханства, составлена при Штабе Отдельного Сибирского корпуса из разных материалов вновь поверенных и исправленных. Омск 1841-го года (Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 3. СПб., 1849).

селение Курумсарай [Гурум-сарай] в 300 дворов; <...> кышлак Кудаш в 40 дворов и <...> городок Аш [Ашт] в 1000 дворов; вправо <...> находится укрепление Камыш-курган»⁶. Ошоба, которая располагалась чуть в стороне от основных транспортных артерий, была незаметна для путешественников-разведчиков и отсутствует в списке.

Первые систематические сведения о системе управления Кокандским ханством были собраны в 1875 году востоковедом А.Л. Куном, который имел возможность работать с официальными документами. Российского ученого интересовали прежде всего экономические возможности ханства, и в первую очередь — собираемые налоги. В это время, по его информации, территория современного Аштского района входила в состав отдельного Бабадарханского бекства. Это бекство, состоявшее из двенадцати «значительных селений» (правда, автор их не назвал), поставляло в казну 6 тыс. батманов зерна натурального налога⁷, 1,2 тыс. тилля⁸ — налог-танап с огородных и хлопковых культур, 6 тыс. тилля — налог-закят на скот, 300 тилля — налог-закят «на базарные весы» и 1 тыс. тилля на ввозимые и вывозимые товары⁹. По сравнению с другими кокандскими бекствами Бабадарханское давало относительно меньше налогов с зерна и базара, зато больше — с огородных культур и скота. Это вполне соответствовало горным условиям хозяйства, где преобладали сады и животноводство. Одну из главных налоговых статей составляли таможенные сборы, поскольку в селении Бабадархан находился таможенный пункт, через который шло интенсивное движение товаров в Ташкент и далее в казахскую степь, Россию и обратно (и далее в Китай). Рядом с Камыш-курганом находились также крупные солеработки, известные во всем Кокандском ханстве.

Собранные Куном сведения дают самое общее представление об экономике этого уголка Ферганской долины, но ничего не говорят

⁶ Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, А.П. Хорошихина. СПб.: [б.и.], 1876. С. 30—32.

⁷ Как пояснял Кун, один батман был равен 4 пудам, или примерно 65 кг, и стоил 1,5—2 рубля (*Кун А.* Очерки Кокандского ханства // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 12, вып. 1. 1876. С. 66).

⁸ 1 тилля был равен 3,6 рубля (Там же. С. 66).

⁹ Там же. С. 66.

о хозяйственной жизни Ошобы. Отдельный кишлак не существовал для российского востоковеда, которому была интереснее картина в целом — система политического управления и экономический строй Кокандского ханства. Эта картина не должна была быть слишком детальной, а ее контуры рисовались лишь по некоторым узнаваемым точкам.

Территория

Завоевание ханства заставило российскую власть задуматься о переустройстве территории, приведении ее в тот порядок, который был бы понятен новым правителям. В сентябре 1875 года, когда весь правый берег Сырдарьи отошел по договору с Насреддинханом к Туркестанскому краю, российская власть вместе с проведением военных операций приступила к организации управления и сбору сведений о подвластной территории. В составе Наманганского отдела был образован Чустский участок, к которому отнесли территории бывшего Чустского и Бабадарханского бекств. В декабре 1875 года начальник Наманганского отдела генерал Скобелев дал указание полковнику Меллер-Закомельскому установить «хотя бы приблизительные» данные о числе дворов всех селений участка, численности «душ мужского пола», «происхождении их и занятиях», площади возделываемой земли, количестве базаров и лавок, а также назначить новых или утвердить прежних «аксакалов и аминов»¹⁰. Тогда же Скобелев дал указание рассмотреть вопрос о целесообразности создания отдельного Бабадарханского участка.

После прекращения активных боевых действий, ликвидации Кокандского ханства и образования в феврале 1876 года Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства началась систематическая административная разметка вновь присоединенных к империи земель.

Наманганский отдел был расформирован, и на его территории возникло два уезда — Наманганский и Чустский. Чустский уезд, в свою

¹⁰ *Серебренников А.* К истории Коканского похода (статья четвертая) // В.Е. 1901. № 9. С. 44.

очередь, состоял из девяти волостей, в том числе Аштской и Бабадарханской, которые раньше составляли одно Бабадарханское бекство. Уездный начальник занимался полицейскими, хозяйственными и военными делами. В 1887 году Чустский уезд был ликвидирован, а его территория включена в состав Наманганского уезда, однако на месте бывшего уезда сформировали Чустский участок. В обязанностях участкового пристава осталось исполнение исключительно полицейских функций. Позднее пять волостей, включая Аштскую и Бабадарханскую, составили отдельный Чадакский участок.

Согласно разграничению, сделанному в 1876—1877 годах, в Аштскую волость вошли селения Ашт, Ошоба, Гудас, Пунук, Ак-джар, Аштлык, Ак-кудук, Баштал, Пискокат, в Бабадарханскую — Бабадархан, Пангаз, Шайдан, Камыш-курган, Мулламир, Дулана (Карамазар), Курук. Граница между волостями пролегла между Ошобой и Шайданом. В 1884 году Аштская волость включала в себя шесть сельских обществ: 1) Верхний Ашт (в том числе селение Пискокат), 2) Нижний Ашт, 3) Гудас, 4) Пунук, 5) Ошоба, 6) Ак-джар (в том числе селение Аштлык). Такое разделение, с небольшими изменениями¹¹, осталось вплоть до 1917 года.

Административное устройство в глазах российских чиновников было тесно связано с представлениями о территориальности. Империя осознала себя как пространство, имеющее центры и окраины, площади и границы, которые следовало измерять, наносить на карты и которые были основными ориентирами в организации управления. При этом расположение мест, где находились институты власти (не в последнюю очередь — военные базы), расстояние, а значит, и скорость сообщения (передвижения войск) между ними становились главными критериями для распределения территории на единицы управления. Разумеется, такая логика вступала в противоречие с местными практиками и представлениями об удаленности и близости, для которых важнее были совсем другие критерии — происхождение и брачно-ритуальные контакты, хозяйственные циклы, водные системы и другие факторы.

В колониальной картине кишлак Ошоба (в российских документах использовалась транскрипция Ашаба) был всего лишь точкой на

¹¹ В 1909 году селение Аштлык было уже в составе сельского общества Верхний Ашт.

карте, но в действительности ошобинское сообщество представляло собой сложно организованное пространство. Сам по себе поселок был типичной зимовкой, куда население собиралось только в наиболее холодные периоды года. Весной те местные жители, которые занимались животноводством (выращивали коз и овец), уходили далеко на горные пастбища, рассеиваясь по всему Кураминскому хребту. Значительная часть ошобинцев переселялись на лето в длинное, растянутое на десятки километров горное ущелье, по которому протекала речка Ошоба-сай (*сой*), именно его полковник Пичугин в своем донесении в 1875 года назвал Ашабинским ущельем. Здесь они использовали небольшие речные поймы, большие и маленькие родники, которые стекали со склонов или выходили из-под земли, для полива и возделывания садов и огородов. Какая-то часть ошобинцев-земледельцев спускалась в Аштскую степь, а какая-то уходила еще дальше в горы, чтобы обрабатывать земельные участки, которые возникли вокруг небольших родников и речушек. У ошобинского учителя истории Умурзака Маматкулова, по его словам, был список с указанием 81 родника-булак (*булоқ*)¹²: одни из них были естественными, а другие искусственными — ошобинцы в степи или на горных склонах копали колодцы и выводили воду из них на поверхность¹³. У некоторых родников жители иногда оставались и на зиму, а сами эти места, по сути, превращались в выселки с постоянным населением, которое тем не менее не теряло связей с Ошобой и ошобинским сообществом.

Вся эта запутанная картина расселения и сезонной миграции никак не учитывалась в административной сетке колониального управления¹⁴. Власть не имела сил и инструментов, чтобы отслеживать все переме-

¹² По левую сторону от Ошобы (в направлении Ашта) самыми крупными были родники Чукуркам-булак, Ак-кудук-булак, Кызыл-кудук-булак, Уч-хагун-булак, Акинджат. По правую сторону от Ошобы (в направлении Шайдана и Пангаза) — Тахтапез-булак, Новолук-булак. По словам Маматкулова, родники орошали в прошлом около 130—140 га земли.

¹³ Эта система называется кяризами. Самая глубокая шахта-колодец достигала 17 *кулоч* (*кулоч* — расстояние в размах обеих рук, около 1,5—1,8 м), и иногда, чтобы вывести воду в одном месте, затрачивали от 1—2 до 7—10 лет работы.

¹⁴ Такого рода несовпадение колониальных и повседневных практик было особенно заметно в районах с кочевым населением (см.: *Martin V. Law and Custom in the Steppe: The*

щения людей. Когда же выселки вдруг обнаруживались, то российские чиновники помещали новые элементы в уже существующее административное пространство, исходя из своих собственных представлений о территории и расстоянии. Именно таким образом «дача» Аксинджат, один из выселков Ошобы, в 1890-е годы оказалась приписанной к сельскому обществу Гудас¹⁵.

Налоги

Одной из главных забот имперской власти помимо сохранения спокойствия на завоеванной территории и ее военного контроля был сбор налогов. Вновь приобретенные земли должны были как минимум окупать текущие расходы на администрацию, а по возможности и приносить империи доходы. Однако последняя задача была достигнута лишь к 1910—1911 годам¹⁶. Тем не менее полный учет экономического производства, его классификация, установление налогов и полный их сбор были, пожалуй, самой главной заботой российской власти в Туркестане.

В первые три-четыре года своего присутствия в Фергане власть продолжала применять некоторые прежние, использовавшиеся в Кокандском ханстве, виды налогообложения. Часть налогов (базарные сборы, лесные, наследственные и прочие) была отменена — то ли за невозможностью их учитывать и контролировать, то ли из-за желания успокоить страсти после кровопролитной войны. Закятные сборы на торговлю были заменены сборами на право заниматься торговлей (процент не с оборота, а с капитала). Были оставлены два главных налога — танап (определенный сбор с единицы площади, засеянной

Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Curzon Press, 2001. P. 119—127).

¹⁵ Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ (1897—99 гг.) / Г.С. Назаров (сост.). Вып. 3. Скобелев: Ферганский областной статистический комитет, 1910. С. 110, 111. В «даче», куда были включены Аксинджат, Тудак и какие-то другие мелкие поселения, насчитывалось 59 землевладельцев.

¹⁶ См. подробнее: *Правилова Е.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801—1917. М.: Новое издательство, 2006. С. 271—301.

культурой, которую невозможно измерить по объему) и херадж (десятая доля действительного урожая). В прошлом эти два налога собирались местными чиновниками, которые каждый год измеряли посевы и урожай. Российская власть в Ферганской области поначалу решила собирать налоги в тех размерах, как они были зафиксированы в старых кокандских записях¹⁷.

Таблица 1

Записи налоговых сборов в Ошобе в 1879 году

Налогооблагаемые сельхозкультуры	Общая площадь посевов (дес.)	Общий размер налога (пуды)
<i>Талантные сборы</i>		
Виноградники	?	257 5/32
Другие посадки	?	514
Табак	—	—
Дыни	—	—
<i>Хераджные подати</i>		
Итальянское просо		
Лучшее	59 1/4	?
Среднее	16 1/2	?
Худшее	—	?
Пшеница		
Лучшая	157 3/8	786
Средняя	230 1/4	575
Худшая	84 1/2	101
Сорго		
Лучшее	21 7/8	109
Среднее	1	3
Худшее	1/8	—
Лен		
Лучший	7 1/2	15
Средний	5 3/3 (?)	20
Худший	—	—

¹⁷ Подробнее см.: *Penati B. Notes on the Birth of Russian Turkestan's Fiscal System: A View from the Fergana Oblast' // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2010. № 53. P. 739—769.*

Продолжение табл. 1

Налогооблагаемые сельхозкультуры	Общая площадь посевов (дес.)	Общий размер налога (пуды)
Ячмень		
Лучший	13 1/8	644 (?)
Средний	43 27/32	109
Худший	8 3/4	10
Просо		
Лучшее	7 1/2	15
Среднее	2 1/2	3
Худшее	—	—

Источник: Свод поступлений тапанных податей по Чустскому уезду в 1879 г. // ЦГА РУз, ф. 276, оп. 1, д. 887в. Л. 8 об., 9, 22 об., 23, 34 об., 35, 45 об., 46, 65 об., 66, 75 об., 76, 82 об., 83.

В архивах я нашел записи 1879 года о налогах с сельского общества Ошоба (табл. 1). Они довольно подробно зафиксировали структуру и размеры (не всех, а лишь налогооблагаемых!) посевов в том виде, как это представлялось кокандской власти накануне российского завоевания, переведя их в русские единицы измерения. Из записей мы узнаем, что общая посевная площадь составляла чуть больше 650 дес. (около 710 га), две трети из которых отводились под пшеницу (*бугдой*), остальное — под ячмень (*арпа*), сорго (*жўхори*), лен (*зигир*), итальянское (*кўноқ*) и другие виды проса (*тариқ*). К этому надо добавить не учтенные в архивном документе садовые и огородные насаждения, которые могли занимать немалую территорию — не менее 100 га.

Однако ежегодное составление таких списков, учитывающих реальную засеваемую площадь и реальный урожай по каждой сельскохозяйственной культуре, требовало от власти непомерных затрат времени и сил, наличия своих специалистов-землемеров и множества платных помощников из числа местных жителей, а также вызывало риски непрерывных конфликтов по поводу недостачи налога. Несколько лет беспрепятственных попыток отследить хозяйственную деятельность населения Ферганской долины привели власть к решению ограничиться определением общих размеров возделываемых земель отдельных сельских обществ, главной сельскохозяйственной культуры, которая здесь выращивается,

и расчетом раз в несколько лет среднего размера ее урожая¹⁸. Вместо танапа и хераджа был введен один денежный (поземельный) налог — в размере 10% от общей стоимости условного урожая, рассчитанную сумму должно было выплачивать общество в целом, внутреннюю же раскладку предлагалось устанавливать самим жителям. Эта упрощенная схема исчисления и сбора налога была введена по указанию генерал-губернатора Кауфмана в 1880 году, а в 1886 году она была узаконена Положением об управлении Туркестанским краем.

Сбор поземельного и других налогов превратился из местных споров между конкретным землевладельцем и сборщиком налогов, как было при хане, в отношения между уездным начальником — с одной стороны, волостным управителем — с другой стороны, сельским старшиной — с третьей, и отдельным крестьянином — с четвертой. Первый на основании переговоров с волостным и полученных расчетов, порой весьма далеких от реальности, исчислял ожидаемые суммы сборов, после чего волостной в переговорах со старшиной распределял их выплату между сельскими обществами и, наконец, внутри общества старшина договаривался с каждым землевладельцем о доле последнего в общей сумме. Такая ситуация больше устраивала российских чиновников, так как значительная часть споров и конфликтов переводилась на самый низовой уровень управления, колониальная же власть оставалась от них в стороне.

Экспликация на дачу

В 1898 году поземельная подать с Ошобы составляла 498 руб. 96 коп.¹⁹, то есть меньше рубля на одного землевладельца. В 1899 году в сельском обществе были произведены подробная съемка и описание

¹⁸ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб.: Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885. С. 265.

¹⁹ Сравнительная таблица о количестве земли и налогов с сельских обществ Наманганского уезда, 1898 г. // ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 33441. Л. 8 об.

территории²⁰ и выявлено, в частности, что общая орошаемая площадь составляет 751 дес. (около 820 га), примерно столько же, сколько по записям 1877 года. Из них 251,7 дес. (275 га) находились под пшеницей. По результатам съемки все земли оказались разделены на три «дачи»: собственно вокруг селения Ошоба, отдельно горные участки (было, в частности, упомянуто местечко Тахтапез) и третья «дача» — Аксинджат, которая была, как я упоминал выше, описана в составе Гудаского сельского общества. В 1910 году чиновники опубликовали часть сведений из экспликации (табл. 2).

Таблица 2

Данные экспликации в Ошобе в 1899 году

	Аксинджат	Ошоба	Тахтапез
Землевладельцы (чел.)	58	457	64
<i>Орошаемые земли (дес.)</i>			
Усадьбы и насаждения	34,1	357,9	120,4
Пар	—	19,3	—
Перелог	53,8	158,6	43,55
Богарные земли	—	—	—
<i>Необрабатываемые земли (дес.)</i>			
Вода и дороги	1,8	62,9	2,1
Прочее	71,8	236,75	57,2
<i>Налоги (руб.)</i>			
Налог на 1 дес. орошаемой земли	0,71	1,08	0,81
Налог на 1 дес. обрабатываемой земли	1,12	1,75	1,12
Всего налог	38,36	581,7	133,08

Источники: Материалы для статистического описания Ферганской области. С. 14, 15, 18, 110, 111; ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 34081. Л. 1—29.

На каждую «дачу» производился отдельный расчет налога, то есть она становилась основной податной единицей.

²⁰ Экспликация на дачу Ферганской области Наманганского уезда Ашабинского сельского общества, селения Ашаба Аштской волости // ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 34081. Л. 1—29. Далее я привожу расчеты и цитаты из этого дела без ссылок на архив.

Путем измерений было установлено, что общая площадь одной «дачи» Ошоба (включая земли в кишлаке, вокруг кишлака и в выселках по ущелью) составляет чуть больше 835 дес. (около 900 га), в том числе орошаемых — около 535 дес. (около 580 га) и засеваемых — около 332 дес. (около 360 га). Колониальные чиновники привели в документе показатели как в десятинах, так и в танапах²¹, которые соответствовали местной традиции измерения: всего в «даче» Ошоба оказалось 5013 танапов, из них 3215 танапов обрабатываемой земли.

Взяв в июле «пробный умолот пшеницы», составив протоколы, собрав отпечатки пальцев у местных жителей и поставив печать у сельского старосты, комиссия установила, что средний урожай пшеницы в данной местности составляет 35 пудов (573,3 кг) с 1 дес., средняя цена за пуд пшеницы — 50 коп., следовательно, средний валовой доход от десятины пшеницы равен 17 руб. 50 коп. Поскольку пшеница была преобладающей культурой (44% от всех посевов, еще 30% составляли лесонасаждения, остальное — прочие посевы, клевер, сады, виноградники), то вся засеваемая площадь (332,4 дес.) умножалась на указанный средний доход, и получался валовой доход в размере 5817 руб.; 10% этой суммы — 581 руб. 70 коп. — назначались «даче» в качестве государственного поземельного налога. Вместе с налогами на вторую «дачу» — Тахтапез — общая сумма подати со всего сельского общества увеличилась по сравнению с прежним уровнем почти на 40%²².

Также российские чиновники подробно описали систему орошения Ошобы:

Земли дачи расположены в горных ущельях и орошаются снеговой водою Гарван-сая (то же Ашаба-сай) и ключевойю.

Гарван-сай образуется из двух саев: Куюнды-сай — с запада и Урта-сай — с востока. Эти два сая берут начало в горах тех названий. Гарван-

²¹ Стандартный танап (*таноб*) соответствовал примерно четвертой части десятины, правда, как обращали внимание колониальные чиновники, местные способы измерения отличались от принятых в России и поэтому в каждом конкретном случае соотношение танапов и десятин могло варьироваться.

²² В «даче» Тахтапез подать составила 133,08 руб. (О рассмотрении податных расчетов по Аштской волости Наманганского уезда, 1900—1901 гг. // ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 33491. Л. 45 об., 46).

сай принимает в себя с правой стороны Ингичке-сай и с левой — Кызыл-Алма-сай, которые берут начало в горах вне дачи.

В разных местах дачи есть много ключей. Самый большой ключ Булак-Баши находится близ впадения Кызыл-Алма-сая в Гарван-сай. В годы с обыкновенным достатком снега в горах орошение дачи вполне достаточное для всех ее земель; в 1899-м же, исключительно маловодном году, снеговой воды было очень мало и дача орошалась почти исключительно только ключевой водою, которой также было меньше, чем бывает в обыкновенные годы, а потому в самом низу дачи, ниже Мазар-Баба-Чинар²³, посеы пшеницы, расположенные в открытой местности и потому требующие более частой поливки, получили недостаточное орошение.

После снежной зимы земли дачи получают постоянное орошение, а в маловодные годы — очередное, причем вся вода расходуется в 11 дней, из которых 8 дней орошаются поля 8-ми кварталов дачи²⁴, каждый по 1 дню, и остальные 3 дня вода отпускается на те поля нижней части дачи, которым ее не хватило в очередной день.

25 октября 1899 года сначала сельский старшина, а затем депутаты (о них см. ниже) удостоверили документы. В конце стояли также подписи «комиссара», подполковника Николая Ивановича Янцына, землемеров Лавра Анфимовича Клугина и Акила Фаддеевича Микрюкова.

17 марта 1900 года комиссар IV участка наманганской поземельно-податной комиссии официально объявил местному населению налоговый расчет по всем «дачам», «причем на этот расчет возражений не последовало». В материалах дела также указано, что еще в мае 1898 года жителям Ошобы было объявлено:

...те из упоминаемых в ст. 255 Положения искусственно орошаемых обрабатываемых земель, кои не будут указаны как принадлежащие населению, не будут сняты на планы, не войдут в выдаваемые по ст. 263 Положения свидетельства на владение и не будут подлежать утверждению за населением.

²³ См. Очерк 8.

²⁴ См. Очерк 7.

Данная фраза означала, что «дача» становилась податной единицей, а нанесенная на карту и описанная территория утверждалась во владении ее жителей²⁵. Это объясняет, почему российских чиновников при составлении экспликации интересовала не столько классификация полевых культур, как это было в записях 1877 года, сколько классификация всех типов земли — обрабатываемых и необрабатываемых — и точная привязка их к местности (к делу приложена соответствующая карта). В последнем нуждались и для более корректного расчета поземельного налога, и для определения земель, остающихся у государства или переходящих в его собственность, которая к тому времени также стала интересовать колониальную власть Туркестана как новое потенциальное поле деятельности, например для проведения каналов и переселения русских (или русскоязычных) крестьян или для инвестирования в добычу ископаемых.

Итак, мы имеем явное стремление власти к большему контролю над экономикой и собственностью местных жителей. Но возникает вопрос: насколько эффективен был этот контроль и укрывали ли ошобинцы какую-то часть своей жизни от колониального взгляда? В частности, можно осторожно предположить, что, видимо, часть земли в горной местности, а также богарные посевы могли не попасть в поле зрения российских чиновников²⁶. Хотя ошобинцев, как следует из документов экспликации, предупредили, что неуказанная земля не будет записана в качестве их собственности, для местных жителей такая угроза была не слишком ясной. В повседневной жизни они поступали в основном по своим собственным правилам и обычаям, которые регулировали практическое землевладение и землепользование, появление каких-то посторонних людей, претендующих на эти (повторю — горные) земли, было крайне маловероятно. К тому же подобный обман был не особенно существенным, так как горные участки и богарные поля засеивались

²⁵ Согласно Положению об управлении Туркестанским краем 1886 года, владельцем (и фактически собственником) считался каждый отдельный землевладелец, но его права были опосредованы и в какой-то мере ограничены сельским обществом.

²⁶ О проблеме учета и налогообложения богарных земель см.: *Penati B. Swamps, sorghum and sahauls: marginal lands and the fate of Russian Turkestan (c. 1880—1915) // CAS. 2010. Vol. 29. № 1. P. 61—78.*

и давали урожай очень нерегулярно, а значит, колониальной власти было трудно уследить за этими землями.

Примечательно, что в 1909—1910 годах была проведена дополнительная проверка ошобинских земель. В результате к имеющейся земле были добавлены новые площади и на них установлен дополнительный налог²⁷. Обращает на себя внимание то, что в основном вновь записанные за сельским обществом территории составляли необрабатываемые земли и выгоны, которые жители кишлака решили официально оформить в свое владение, избежав таким образом их полного отчуждения в государственную собственность.

Впрочем, главное даже не в том, что местное население что-то скрывало от колониальной власти, а в том, что предложенные последней способы измерения и начисления налогов оставляли целые сферы экономической деятельности вне какого-либо государственного наблюдения. П.Е. Кузнецов, который в начале XX века путешествовал по этому региону, отмечал, что население здешних предгорий живет «посевами хлебных злаков, отхожими промыслами, торговлею ситцами с курамою и продажей абрикосов»²⁸. Налоговая система, которая делала акцент на посевах пшеницы, не учитывала важных для местной экономики садовых (шелковица-тутовник, яблоки, абрикосы, грецкий орех) и огородных культур, имевших в том числе и товарный характер — эта продукция вывозилась на рынки в Коканд и Чуст²⁹. Причем доходность этих культур могла значительно превышать прибыль от пшеницы³⁰. Колониальная экономика никак не учитывала местных женских промыслов — из-

²⁷ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 3369. Л. 26 об., 27; Земли коренного оседлого населения Ферганской области: по данным поземельно-податных комиссий к 1916 году, собранным и обработанным организацией по экономическим исследованиям в бассейне р. Сыр-Дарыя Отдела Зем. Улучш. М.: Т.Э.С., 1924. С. 340, 341.

²⁸ *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IX, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915. С. 17, 21.

²⁹ В начале 1880-х годов, как говорят местные предания, некто Тошмат первым стал сажать картошку, помидоры и капусту, возможно — для продажи русским.

³⁰ Валовой доход от садов мог составлять 240 руб. на десятину, от виноградников — 120 руб. (*Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: [б.и.], 1886. С. 23).

готовление ковров и паласов, которыми Ошоба славилась и которые составляли одну из статей доходов ее жителей. Наконец, в учет не попадала, пожалуй, самая доходная и главная в глазах населения сфера — разведение мелкого рогатого скота (овец и коз)³¹. Все эти хозяйственные отрасли, по сути дела, были выведены из-под государственного контроля и полностью отданы на откуп самому местному сообществу и тем местным способам регулирования, которые в данной общине сложились.

Могла ли колониальная власть при желании увидеть (измерить, подсчитать) дополнительные, часто тщательно спрятанные источники доходов и установить на них налоги? Может быть, чиновники сознательно закрывали глаза, надеясь на умиротворение завоеванного населения? Вряд ли на эти вопросы можно ответить однозначно. В случае с Ошобой неспособность повседневно контролировать население и стремление не вызывать протестных настроений, по-видимому, дополняли друг друга и сдерживали власть от резких решений.

Собственность

Вернусь еще раз к проблеме собственности. Несмотря на то что сбор налогов имел коллективный характер, российская власть Положением 1886 года закрепила статус частной земельной собственности в Туркестанском крае. Правда, по этому вопросу велись довольно бурные дебаты между различными партиями чиновников и экспертов³². Первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман пытался

³¹ Кибиточную подать, то есть фиксированный налог на скот, платили только жители кочевых волостей и аульных обществ, Ошоба же считалась земледельческим сообществом.

³² Подробнее см. мои статьи: *Абашии С.* Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860—1880 годах // ВЕ. 2001. № 4. С. 35—62; *Он же.* Община в Туркестане в оценках и спорах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5. Россия и Средняя Азия. М.: Русская панорама, 2002. С. 71—88; *Он же.* Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе. 1892—1900) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. Россия и мусульманский мир. М.: Русская панорама, 2003. С. 163—191.

отстоять ту точку зрения, что земельная собственность в регионе должна быть государственной, а пользование землей — подворным или даже общинным. В 1871 и 1873 годах Кауфман направлял в Санкт-Петербург свои предложения по земельному устройству Туркестана, при этом он отмечал, что земельные отношения у оседлого населения Средней Азии были «запутаны, неясны и разнообразны», но в них был один основной принцип, безусловно исключающий «во всех этих отношениях признание начала “частной собственности”, характеризующего наше европейское понятие о землевладении», поскольку все местные землевладельцы были поставлены в зависимость от государства³³. Однако ревизионная комиссия под руководством сенатора Ф.К. Гирса, начавшая свою работу сразу после смерти Кауфмана, выступила резко против кауфманской идеи огосударствления земель и потребовала юридического оформления полной частной собственности. Члены комиссии пришли к выводу, что «каждое селение в Туркестанском крае разделяется на участки, владельцы которых пользуются ими на праве полной собственности»³⁴.

Положение об управлении Туркестанским краем зафиксировало в статье 255, что «за оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях»³⁵. В этой формулировке не было прямого указания на полную собственность, а отсылка к местным обычаям вроде бы давала зацепку для существования различных форм коллективного земле- и водопользования, что отчасти отражало, видимо, настроения сторонников Кауфмана. Однако обрабатываемая земля все-таки не была названа государственной собственностью, а фраза о потомственном владении, пользовании и распоряжении фактически означала признание

³³ Проект всеподданнейшего отчета. С. 228.

³⁴ Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб.: [б.и.], 1884. С. 346.

³⁵ Положение об управлении Туркестанского края // Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины / Ю. Семенов (сост.). М.: Старый сад, 1997. С. 407. См. подробнее: *Савицкий А.П.* Поземельный вопрос в Туркестане (в проектах и законах 1867—1886 гг.). Ташкент: СамГУ, 1963; *Юлдашев А.* Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент: Узбекистан, 1969.

частной собственности, на чем настаивали те, кто поддерживал позицию Гирса³⁶. Положение, хотя и признавало сельское общество основным плательщиком налогов, тем не менее допускало и выделение частного землевладельца в самостоятельную налоговую единицу, и куплю-продажу земельных участков (с переходом налоговых обязательств).

Хлопковый бум, который охватил Туркестан в начале XX века, поставил точку в спорах о частной собственности. Производство этого продукта основывалось на системе кредитов, которые выдавались крестьянину, нередко под залог земли, с обязательством выплаты суммы с процентами после продажи выращенного хлопка. В этой системе, зависящей от колебаний цен и кредитных ставок, происходили массовые разорения и переход земель из одних рук в другие³⁷. В Ошобе хлопок не выращивался, но бум купли-продажи земли, видимо, охватил и местное население. В 2010 году в семейном архиве Я.А. я обнаружил несколько документов о купле-продаже земли. Вот один из них³⁸:

1324 8-го раби ал-аввал ([1 мая] 1906).

Свидетельство от старшины Ашобы.

Дано настоящее свидетельство жителям Ашобы Асамадину и его матери, престарелой Халджан, в том, что принадлежащий им участок земли — а его границы таковы: на западе граница длиной в 40 гязов³⁹ примыкает к наследственной земле Худайбирды, сына муллы Ир-нийаза, и частично, длиной в 10 гязов, к наследной земле Джин-бая, сына Ходжабиргана; северная сторона границы длиной в 30 гязов полностью примыкает к наследственной земле Гайиб-назара, сына Исмаил-бая; с востока граница длиной в 50 гязов примыкает частично к наследной земле Адина, сына Кара-ходжи, и частично к земле Ниматаллах устада⁴⁰,

³⁶ *Кривошеин А.В.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб.: [б.и.], 1913. С. 57, 58.

³⁷ См.: *Юлдашев А.* Аграрные отношения в Туркестане; *Демидов А.П.* Экономические очерки хлопководства и хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР, 1926.

³⁸ Я выражаю большую признательность Бахтияру Бабаджанову за перевод этих документов и комментарии к ним.

³⁹ Гяз (*газ*) — около 0,9 метра. Речь идет об участке размером примерно в 2 танапа.

⁴⁰ Об усто Негматулло см. Очерк 6.

сына Ахунджана; с юга граница длиной в 30 гязов примыкает к наследной земле Таш-фулада, сына Базар-бая, — все границы которой ясно обозначены, в моем присутствии и в присутствии незаинтересованных людей, чьи имена будут приведены ниже, за сумму сорок два с половиной золотых⁴¹ [этот участок] был продан Мумин-баю, сыну Абд ал-Вахид-бая, и деньги были получены сполна. Упомянутый участок земли принадлежит им [продавцам] по закону и никому не заложен, и никто не является его совладельцем на паях, и земля является их [продавцов] законным имуществом. Об этом свидетельствую я и беру в качестве гарантов следующих достойных доверия лиц: Кирк-йигита, сына Ризакули; Иш-Мухаммада, сына Мингбаши Ир-Назар-бая; Гайиб-Назара, сына Исмаил-бая, и ставлю свою печать.

Аксакал Ашобы [подписи на документе нет, но есть печать с надписью на кириллице: «Ашабинский сельский старшина, Аштской волости Наманганского уезда Ферганской области»]

Другой документ:

Запродажная

Границы участка земли, находящегося в кишлаке Ашоба в местечке Куюнди-булак: с запада примыкают к горам Баламалик, с востока тоже примыкают к горам Баламалик, с юга — к частному владению Али, сына Уста Саййида, а с севера — тоже к горам Баламалик. Все границы ясно обозначены. Площадь земли равна примерно пяти танапам.

В год хиджры 1329-й 4-го мухаррама, что соответствует христианской дате 23 декабря 1910 года, жители Ашобы Мирза Алим Аксакал, сын Тахир-бая, и второй Мухаммад-Заман, сын Мухаммад-Камала, явились в Дар ал-Кудат [казийский/народный суд], сделали заявление согласно почитаемому шариату. А их заявление, соответствующее шариату и согласное с ним и сделанное в правомочном состоянии, было таково: «Мы признаем, что передаем все свои права, подтвержденные шариатски, на названный участок земли за сумму сто шестьдесят рублей жителям Ашобы — Нур-Али и Ир-Али, сыновьям Рахим-бай шайха.

⁴¹ Имеется в виду, возможно, российский золотой рубль.

Названную сумму денег мы получили сполна. Еще одна часть земельного участка, принадлежащая нам, отделена от названной [проданной] ясными знаками с четырех сторон. Проданный участок разделен дорогой».

Всему этому были свидетелями: Иш-Мухаммад, сын Пир-Мухаммада; Гайиб-бай, сын Исмаил-бая; Ашур-Мухаммад-бай, сын Сафар-Миргана; Мухаммад-Алим, сын упомянутого Ашур-Мухаммада.

По просьбе покупателей и свидетелей я, Сайид Мирза Ходжа, написал это и подписался в присутствии упомянутых выше покупателей и продавцов, а также свидетелей, приклеил две марки по пять копеек, принял двадцать копеек за печать и записал это в тетрадь.

Подпись поставлена мной: Кади Иса Ходжа Ишан, сын Кади Камаладдина⁴².

Печать поставлена мной [неразборчиво]

Печать казия: Кадий Мулла Гани Ходжа, сын Кади Камаладдина Ходжи.

Документ под номером 688, четверг⁴³.

В Ошобе не выращивался хлопок, но и ее экономика, как я уже сказал, была втянута в процесс перераспределения земли. Причем оно не обязательно шло в одном направлении — от бедных и маломощных хозяйств к богатым. Да, этой категории соответствует первая из упомянутых сделок, где покупателем был будущий сельский старшина Муминбай Абдувахидов (свидетелем же, кстати, являлся бывший волостной управитель Эшмат Ирназаров). Однако во втором случае покупателями были Нурали и Эрали, шейхи святого места Бойоб-бува⁴⁴, а одним из про-

⁴² Этот же судья фигурирует в одном из архивных дел, которое я цитирую в Заключении. Судя по частоте упоминаний в архиве, семья Камалиддина-ходжи, жившая в Аште, имела большое влияние: сам Камалиддин-ходжа был активным участником разного рода общественных событий, а его сын Баба-ходжа баллотировался в 1907 году на должность волостного управителя (см.: ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 1996. [Б.л.]; ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 8669. Л. 50 об., 51). Соблазнительно было бы предположить, что этот Баба-ходжа и есть будущий сподвижник Рахманкула-курбаши — Бува-ходжа (см. Очерк 2).

⁴³ В конце стоит печать с оттиском и неразборчивой надписью на кириллице, справа наклеены две марки комиссионного сбора по 5 коп. с указанием даты составления документа.

⁴⁴ См. Очерк 8.

давцов — бывший сельский старшина Мирзаолим Таирбаев, которому, видимо, потребовалась крупная сумма наличности для каких-то нужд.

Хочу обратить внимание на то, что, признав права местного населения на земельную собственность, российская власть имела очень ограниченные возможности для контроля за всеми изменениями состояния собственности — наследованиями, раздѣлами, дарениями, куплями-продажами, залогами и так далее. Согласно тому же Положению об управлении Туркестанским краем, все сделки размером до 300 руб. были отданы на утверждение местного народного суда, сделки свыше 300 руб. должны были оформляться и, соответственно, отслеживаться российскими чиновниками. В 1910 году за эту сумму можно было купить, как следует из документов, около 9 танавов, или почти 2,5 га, пашенной земли. В малоземельной Ошобе, где доход от сельского хозяйства не был высоким, сделки такого масштаба заключались, судя по всему, очень редко, большинство же сделок были меньше указанного уровня.

При оформлении запродажной 1910 года были соблюдены все нормы российского закона того времени: сделка утверждена официальным народным судьей, ей присвоен порядковый номер, под которым она была записана в книге казая, на документ приклеены две марки комиссионного сбора по 5 коп., казию оплачены услуги в размере 40 коп. Что же касается запродажной 1906 года, то ее статус не вполне понятен. Внешне документ повторяет структуру официального документа о совершенной купле-продаже участка, но ни номера, ни марок, ни печати и подписи народного судьи на нем нет. И хотя он засвидетельствован официальным лицом — сельским старшиной, формально такая бумага не должна была иметь юридической силы ни по российскому закону, ни, судя по всему, по закону шариата (старшина не имел полномочий судьи). Остается только гадать, в чем заключалась функция этой запродажной: очевидно, такого рода юридически несостоятельные документы все-таки служили вполне достаточным свидетельством совершения сделки для внутренне-го, ошобинского пользования⁴⁵. Выходит, что местное сообщество само имитировало присутствие закона (российского и шариатского) — даже

⁴⁵ Любопытно, что в 2000-е годы потомок покупателя предъявил эти документы как основание для своих претензий на земельные участки, о которых в них говорилось.

тогда, когда колониальная власть не имела возможности следить за его выполнением.

Люди

Контроль и сбор любой статистики самым тесным образом связаны с классификацией людей, деятельности и явлений, а также с идеей последовательности, закономерности и детерминизма⁴⁶. Парадокс, однако, заключается в том, что эти классификации по-разному использовались в тех или иных контекстах и вызывали разные и вовсе не однозначные эффекты. В статистических справочниках колониального периода мы находим некий набор цифр, имеющий несистематический и противоречивый характер. Российская власть применяла время от времени то одни, то другие категории для описания местного населения, но как эти категории помогали ей управлять и доминировать, остается неясным. Да и сама власть, судя по всему, сомневалась в том, что она контролирует ситуацию с помощью статистики.

Первым, что интересовало колониальных чиновников, были данные о численности местного населения. Но обеспечение даже этого, казалось бы самого элементарного, знания вызвало много вопросов и трудностей⁴⁷. Вот что писал в 1900 году один из русских исследователей региона, П.Е. Кузнецов⁴⁸:

...все туземцы вообще подозрительно относятся к собиранию русскими разного рода статистических сведений, в особенности же сведений о численности населения: они обыкновенно думают, что, делая под-

⁴⁶ См.: *Hacking I. How should we do the history of statistics? // The Foucault Effect. Studies in Governmentality / G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.). Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 181—195.*

⁴⁷ См.: *Киселев В. Демографическая статистика в колониальном Туркестане во второй половине XIX века // O'zbekiston tarixi. 2002. № 1. С. 11—19.*

⁴⁸ *Кузнецов П.Е. О таджиках Ташкентского уезда (краткий отчет) // Известия Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II, вып. II. Ташкент, 1900. С. 33, 34.*

счет жителей, русские намерены брать их в страшную для них военную службу, сослать в Сибирь или выдворять из Туркестана в другие места империи. Поэтому туземцы при представлении сведений о численности населения показывают его в большинстве случаев по крайней мере вдвое меньше, чем следует. Так, например, если у отца есть двое уже семейных сыновей, то при подсчете о них умалчивают, показывают только одного отца. Что же касается различных сборов с населения, то они уплачиваются совместно, то есть отец и сыновья раскладывают уплату их между собою. Возможно, что я и ошибаюсь, но в справедливости этого мнения меня убеждают сами же туземцы: несколько административных лиц из них спрашивали меня, что лучше лично для них: представлять ли начальству преувеличенные сведения или уменьшенные.

Самые ранние из найденных мной сведений о численности ошибинского населения датируются примерно 1877—1878 годами — по данным «Списка кишлакам области», в селении было 105 «домов» и 525 душ⁴⁹. Последнее число образовалось в результате механического умножения ста пяти на пять — такова была обычная практика счета у российских статистиков в первые годы существования Туркестанского края, когда предполагалось, что в среднем в каждом домохозяйстве должно быть пять человек⁵⁰. По данным второй половины 1880 — первой половины 1881 года, в Ошобе было уже 303 дома⁵¹, а к декабрю 1881 года — 300⁵², в 1883 году — 310 «дворов»⁵³. Такие сведения собирались, как правило,

⁴⁹ Список кишлакам области, а также родам и отдельным аулам кочевого населения с распределением на уезды и волости // ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 28098. Л. 25. Этот список не датирован, но его примерную дату можно определить, судя по тому, что в нем числится Чимионский уезд, который был создан в 1876 году и ликвидирован в 1879-м.

⁵⁰ Хотя многие исследователи уже тогда ставили это утверждение под сомнение: *Буняковский А.В.* О пространстве и населении Туркестанского края // Материалы для статистики Туркестанского края / Н. Маев (ред.). Вып. 1. СПб.: Издание Туркестанского статистического комитета, 1872. С. 121.

⁵¹ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 451. Л. 132.

⁵² ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 635. Л. 17. Эту цифру упоминает таджикский этнограф Н. Турсунов, говоря о 1880 годе (*Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв. (историко-этнографические очерки). Душанбе: Ирфон, 1976. С. 228).

⁵³ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 833. Л. 33.

путем опроса сельских старшин, очень редко колониальные чиновники имели возможность обойти населенный пункт лично и подсчитать его жителей.

В 1884—1885 годах российская администрация предприняла попытку составить сводный «список всех оседлых поселений Ферганской области». Начальник Чустского уезда в своем рапорте пояснял, что составляет свой список, используя податные списки кокандского времени. Он же отмечал, что полученные таким образом цифры иногда не совпадают с данными ежегодных отчетов сельских старшин. Эта разница видна и на примере Ошобы. В документе, составленном чустским начальником, фигурируют два числа: 422 двора и 310 (последнее зачеркнуто)⁵⁴. Поскольку 310 — показатель, который отражен и в других российских документах, то 422 — это, судя по всему, заимствование из кокандских записей.

Итак, мы уже имеем несколько разных чисел: 422, потом 105, а затем 300—310. Можно предположить, что в Ошобе было 422 дома к моменту российского завоевания, после погрома в ноябре 1875 года, о котором я писал в первом очерке книги, число дворов сократилось в четыре раза — до 105, остальные жители либо погибли, либо бежали. К началу 1880-х многие беженцы вернулись обратно и численность ошобинского населения достигла 300—310 дворов, то есть примерно трех четвертей от начального уровня.

Проблемой для учета являются не только наличие разных цифр, но и сами понятия дома и двора, с помощью которых оценивалась численность жителей. Что понималось под этими понятиями в кокандское время, что — в 1877—1879 и в 1880—1884 годах, как они соотносились с понятиями брачной пары или семьи и, соответственно, какую реальность они фиксировали — неясно. В случае с кочевым населением, которое должно было платить кибиточную подать, такая неясность вызывала вполне ясные последствия, так как несколько семей могли записываться одной «кибиткой» и платить уменьшенный налог⁵⁵. Что же касается

⁵⁴ О представлении подробных списков всех оседлых поселений Ферганской области. 5 июня 1884 — 30 июля 1885 г. // ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 1178. Л. 34.

⁵⁵ *Терентьев М.А.* Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874. С. 64.

оседлого населения, то в установленной для него системе податной единицей стало сельское общество в целом (а с 1900 года — «дача»), раскладка же налогов внутри него оставлялась колониальной властью на усмотрение самих членов общества и его выборных руководителей. Поскольку размер налога исчислялся в зависимости от обрабатываемой площади, то предполагалось, что раскладка будет устанавливаться в зависимости от количества земли, находящейся в фактическом владении той или иной группы. Это означало, что численность домов/дворов не представляла для колониальной власти важного практического вопроса. Местные жители сами решали, на основании каких критериев они будут определять, что является двором: в одних случаях это могло быть совместное проживание, в других — совместное питание «из одного казана», в-третьих — крепость родственных связей⁵⁶. Также местные жители сами решали, на основании каких критериев — размер земли, число взрослых членов семьи или едоков и так далее — налог распределяется между жителями кишлака. По сути, сельский старшина, который доставлял эти сведения уездному начальнику или участковому приставу, транслировал местные представления, которые могли меняться во времени или корректироваться в зависимости от каких-то личных или коллективных интересов.

Почти двадцать лет (с момента завоевания) данные о численности населения Ошобы ограничивались весьма приблизительным знанием количества дворов в кишлаке. Ни точного числа жителей, ни их половозрастного состава, ни каких-то других — социальных, экономических, культурных — характеристик новая власть не фиксировала. Эти характеристики ее, конечно, интересовали, но ни подготовленных людей, ни финансов — и, по-видимому, практической надобности — для такой процедуры подсчета не было. Чиновники ограничивались единичными примерами и личными оценками, а также экстраполяционными расчетами, которые относились ко всему Туркестанскому краю или к отдельным его областям.

⁵⁶ См. мою статью: *Абашин С.* Статистика как инструмент этнографического исследования (узбекская семья в XX в.) // *Этнографическое обозрение* [далее — ЭО]. 1999. № 1. С. 5, 6.

По-настоящему подробные описания появились только в конце 1890-х годов: в 1897-м была проведена всеобщая перепись населения, а в 1899-м — поземельно-податное описание сельского общества, о чем я уже говорил выше.

В 1897 году переписной процесс был организован по хозяйствам: переписчик узнавал о численности членов хозяйства, их именах, семейном положении, поле, возрасте, занятиях, вероисповедании, родном языке, грамотности, месте рождения и проживания, сословии, физических недостатках⁵⁷. Как был организован сбор этой информации на самом деле, неизвестно. Наиболее правдоподобный из возможных сценариев выглядит так: к приезду назначенного переписчика и его переводчика в кишлаке организовывался общий сход жителей, на который собирались мужчины — главы семей, они поочередно подходили к переписчику и сообщали ему требуемые сведения; сельский старшина и депутаты-пятдесятники, которые обязаны были здесь же присутствовать, уточняли, корректировали или дополняли эту информацию. Заполненные листки отвезли в Санкт-Петербург, где их обработкой занялись столичные статистики. К сожалению, данные были опубликованы лишь в целом по области, по уездам и городам, результаты же по Ошобе остались неизвестными.

Экспликация 1899 года дает весьма ограниченный набор сведений о местном населении. В сельском обществе Ошоба, в двух «дачах», чиновники насчитали 521 землевладельца⁵⁸ (если добавить «дачу» Аксинджат из сельского общества Гудас, то общее число предполагаемых ошобинских землевладельцев составит 579). К документу приложен полный поименный их список, выполненный арабской графикой в тюркской традиции (добавление к имени отца «-оглы» (*ǰли*), то есть сын такого-то, вместо русифицированного «-ов», как часто писали российские чиновники). Не совсем понятной, правда, является сама категория «землевладелец» — кто и как определял ее состав, были ли это все же-

⁵⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 89. Ферганская область / Н. Тройницкий (ред.). СПб.: Издание ЦСК МВД, 1904. Анализ значения переписей см.: *Darrow D. Census as a Technology of Empire // AI. 2002. № 4. С. 145—176.*

⁵⁸ Материалы для статистического описания Ферганской области. С. 11, 111.

натые мужчины кишлака или только главы больших семей, включающих несколько брачных пар. Некоторые жители Ошобы могли иметь сразу несколько земельных участков, то есть значиться землевладельцами одновременно в двух (и даже трех, учитывая Аксинджат) «дачах». В «даче» Ошоба 6 землевладельцев не имели земли, а владели только домами — их участки могли находиться в других «дачах». Отдельно в документе были указаны местные жители, которые проживали за пределами кишлака. В «даче» Ошоба таковых оказалось 29 человек: 15 — в Ташкентском уезде, 6 — в Андижанском, 2 — в Узгенском, 6 — в Наманганском. Экспликация, таким образом, не предложила какой-либо внятной общей характеристики населения, сосредоточившись больше на определении тех, кто имеет права владельцев/налогоплательщиков в Ошобе.

Пожалуй, самые подробные сведения об ошобинцах дал опубликованный в 1909 году Статистическим комитетом Ферганской области «Список населенных мест», который, как отмечали его составители, появился в результате уточнения данных переписи 1897 года. В нем говорилось, что в сельском обществе (селении) Ошоба находилось 457 хозяйств, из них 417 земельных, 40 безземельных, и всего проживало 2400 человек, включая 1341 мужчину и 1059 женщин⁵⁹.

В связи с этой информацией возникает сразу несколько вопросов.

Какой смысл вкладывали составители «Списка» в понятие хозяйства? Число хозяйств в 1909 году в полтора раза больше, чем число дворов в 1880-м. Означает ли это, что численность населения Ошобы за почти тридцать лет выросла примерно в такой же пропорции, или мы имеем дело с процессом распада больших семейных групп, которые могли скрываться за термином «двор», на более мелкие семейные ячейки-хозяйства? Непонятно также, почему число хозяйств в сельском обществе в 1909 году равно (что само по себе подозрительно) числу землевладельцев в одной только «даче» Ошоба в 1899 году, при том что численность населения за десять лет должна была заметно вырасти, но никак не уменьшиться? Связано ли это с недоучетом многих ошобинцев в 1909 году либо с тем, что категория «хозяйство» образовывалась

⁵⁹ Список населенных мест Ферганской области. Новый Маргелан: Ферганский областной статистический комитет, 1909. С. 121.

как-то иначе, чем категория «землевладелец»? По обоим вопросам имеющихся данных недостаточно, чтобы делать какие-то выводы. Замечу лишь, что составителей «Списка» не интересовала такая категория жителей, как временно отсутствующие (которая была в экспликации), а значит, какая-то часть населения, регулярно выезжавшая на заработки, оказалась вне поля их зрения.

Любопытно наличие в «Списке» двух отдельных категорий хозяйств — земельных и безземельных, причем, если сравнивать с 1899 годом, когда эти две категории также учитывались, в 1909 году число безземельных хозяйств было намного больше числа безземельных землеладельцев. Означает ли это, что за десять лет в ошобинском сообществе произошли серьезные процессы внутреннего расслоения и перераспределения земли? Или же в 1909 году статистики вдруг увидели то, на что раньше не обращали внимания или что им было не под силу контролировать?⁶⁰ И снова ответа нет. Подчеркну лишь тот факт, что в 1909 году колониальных чиновников по-прежнему волновал главным образом земельный вопрос — никакой другой хозяйственной деятельности местных жителей они не регистрировали.

В 1909 году впервые появились данные о половом составе населения Ошобы. Обращает, впрочем, на себя внимание большая разница между числом мужчин и женщин (что было характерно для всей статистики по Ферганской области⁶¹). Некоторые современники объясняли такую разницу, в частности, более высокой смертностью женщин⁶². Другие

⁶⁰ Российские ученые и политики разрабатывали более сложное категориальное деление населения на разные группы и подгруппы, прежде всего национальные и социально-экономические, в том числе на примере детального статистического описания отдельных селений Средней Азии, но это не носило массового характера, а скорее было знанием, распространенным в узком кругу специалистов, которые к тому же продолжали спорить друг с другом о принципах категоризации (см.: *Юферев В.* Хозяйство сартов Ферганской области. Ташкент: Главное управление землеустройства и земледелия, Переселенческое управление, 1911; Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г. с приложением очерка «Хозяйства сартов Туркестанского уезда, Сыр-Дарьинской области». М.: Издание Экономического совещания ТССР, [1924]).

⁶¹ Первая всеобщая перепись населения. С. 31.

⁶² См.: *Костенко А.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб.: [б.и.], 1880. Т. 1. С. 335; *Кушелевский В.И.* Мате-

отмечали, что при опросах, которые проводились представителями колониальной власти, местные жители нередко скрывали реальное число членов семьи женского пола⁶³, а российские чиновники не всегда имели возможность эту цифру проверить, поскольку старались не нарушать местного этикета женского затворничества.

Наконец, в «Списке» фигурирует еще одна категория — национальность, которая, следовательно, оказывается в числе наиболее важных тем, интересующих колониальную власть⁶⁴. В графе преобладающей национальности в «Списке» ошобинцы названы киргизами, что является явной ошибкой, поскольку ни сами жители кишлака так себя никогда не именовали, ни соседи не употребляли этого слова по отношению к ним. Путаница говорит о том, что национальную классификацию устанавливали отдельные чиновники колониальной власти, которых, видимо, ввел в заблуждение тот факт, что ошобинцы, как и большинство ферганских киргизов, живут в горах и занимаются животноводством. Очевидная ошибка указывает также на то, как легкомысленно относились чиновники к процедуре установления национальности, ставя ее в зависимость от множества случайных обстоятельств.

Империя ведет следствие

Управление

Помимо систематического знания об Ошобе, которое было представлено в разного рода статистических отчетах и поземельно-податных описаниях, колониальная власть постепенно накапливала разнообра-

риалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Новый Маргелан: Ферганский областной статистический комитет, 1891. Т. 2. С. 121, 122.

⁶³ *Лыкошин Н.С.* Чапулукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения // Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд: Издание Самаркандского областного статистического комитета, 1906. Т. 8. С. 23, 24.

⁶⁴ См. мою книгу: *Абашин С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алтейя, 2007.

ную информацию о кишлаке, осуществляя повседневную практику управления и взаимодействия. Чаще всего это происходило, когда российским чиновникам приходилось вмешиваться в местные конфликты или чрезвычайные ситуации. Эта информация никак не обрабатывалась и не превращалась в какие-либо обобщенные базы данных — чаще всего она просто складировалась в архивах и о ней постепенно забывали. Тем не менее недооценивать значение такого рода практического знания я бы не спешил.

Прежде чем перейти к одному из таких дел, которое я нашел в ташкентском архиве, несколько слов следует сказать о модели управления, сложившейся в регионе.

Система управления в Туркестанском крае, установленная положением 1886 года, называлась военно-народным управлением⁶⁵. Областное и уездное управление находилось в руках колониальных чиновников и было подчинено генерал-губернатору и Военному министерству. Волостное и сельское (у кочевников — аульное) управление было «туземным». Последнее действовало таким образом: раз в три года в каждом сельском обществе на сходе происходили выборы сельского старшины-аксакала (*оқсоқол*, буквально «белобородый»), его кандидата, то есть помощника и заместителя, а также пятидесятников-эликбаши (*эликбоши*, буквально «глава пятидесяти»), своеобразных депутатов от каждых пятидесяти домохозяйств. В выборах, которые происходили в присутствии волостного правителя («не вмешивающегося в самое направление выборов»), участвовали только главы домохозяйств — решение считалось принятым, если проголосовала половина от присутствующих, при кворуме не менее половины общего

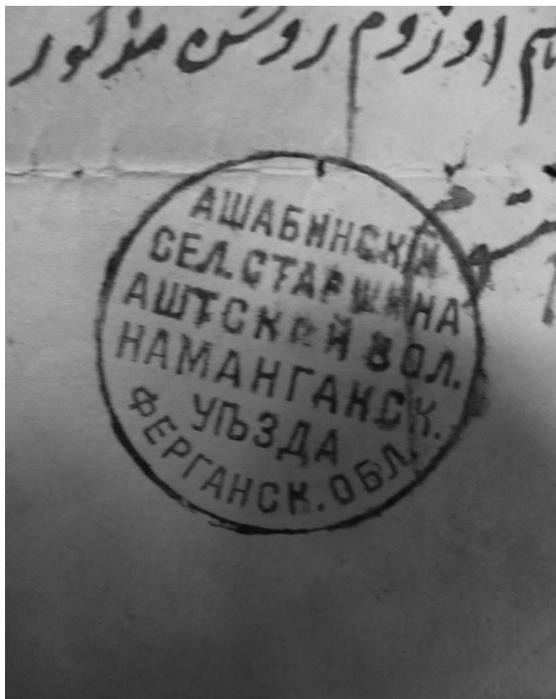
⁶⁵ См.: Национальная политика в императорской России. С. 389—395; *Васильев Д., Нарбаев Н.* Центральная Азия во внутренней политике царского правительства // Центральная Азия в составе Российской империи / С. Абашин, Д. Арапов, Н. Бекмаханова (отв. ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 86—131; *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York: Routledge Curzon, 2003. P. 57—87; *Abdurakhimova N.* The Colonial System of Power in Turkistan // International Journal of Middle East Studies. 2002. Vol. 34. № 2. P. 239—262; *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867—1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960. P. 64—78.

числа представителей заранее объявленных и учтенных домохозяйств. На этих же сходах большинством голосов производилась раскладка податей на домохозяйства. На указанные выше должности мог быть избран «каждый туземный житель» не моложе 25 лет, не имеющий наказаний в судебном порядке. В обязанности сельского старшины входили сбор всех податей и повинностей, выдача квитанций, наблюдение за порядком.

Депутаты-пятидесятники участвовали в волостном съезде, на котором, на этот раз в присутствии уездного российского чиновника (которого называли *наибом*⁶⁶), они избирали волостного управителя-мингбаши (*мингбоши* — тысяцкий, глава тысячи), кандидата (заместителя) к нему и народного судью. Волостной съезд признавался действительным, если в нем участвовало не менее двух третей «выборных» от всех сельских обществ, входящих в волость. Волостной управитель мог иметь писаря и рассыльных на жалованье. В обязанности волостного управителя входили контроль за приведением в исполнение судебных решений, ведение учета домохозяйств, убыли и прибыли населения, наблюдение за своевременным поступлением сборов и исполнением повинностей. Сельский старшина и волостной управитель имели «особые знаки» для ношения и «печати по должности» (Илл. 8). Волостной имел право на должностной оклад от 300 до 500 руб., сельский старшина — до 200 руб., эти деньги собирались с населения по раскладке вместе с налогами и передавались в казначейство, а оттуда выплачивались «туземным» чиновникам.

Избранные (а иногда назначенные) на все эти три должности (я не говорю о должности народного судьи) люди находились в непростых отношениях между собой, с населением и с российской властью. Положение их всех целиком зависело от последней — колониальные чиновники имели полное право не только лишить должности, но и в случае серьезного нарушения установленных правил и порядков сурово наказать провинившегося. Поэтому эликбаши, аксакалы и мингбаши обязаны были по крайней мере соблюдать лояльность по отношению к российской власти и придерживаться всех исходящих от нее требований.

⁶⁶ См. Очерк 1.

Илл. 8. Печать аксакала

Однако эта лояльность не была абсолютной. Процедура, которую установила сама колониальная власть и согласно которой «туземные» чиновники выбирались, заставляла их постоянно искать поддержку у населения или различных его фракций и выстраивать совместную стратегию локального сопротивления. Одним из главных был, например, вопрос о податях и повинностях. Как я уже упоминал, колониальная власть ввела систему круговой поруки при сборе налогов, когда сумма налога начислялась на все сельское общество, а члены последнего сами решали, каким образом распределять ее между собой. Разумеется, при такой схеме и «туземные» чиновники, и обычные крестьяне были связаны общей заинтересованностью в сокрытии тех или иных ресурсов от налогообложения.

При этом фронт сопротивления вовсе не был, как и лояльность к российской власти, абсолютно единым. Некоторая автономия и существенные, но плохо определенные и плохо контролируемые полномочия «туземных» чиновников позволяли им преследовать собственные цели. Например, сельский старшина мог, используя большинство на сходе или свое право выдавать квитанции, вступать в игру, в которой тот же сбор налогов превращался в демонстрацию власти и силы, он мог выступать в этом процессе как манипулятор, вести персональные переговоры с каждым рядовым членом сообщества, обманывать одновременно все стороны, укрывая часть собранных налогов в свою личную пользу, он мог шантажировать своей близостью к колониальной власти, чтобы получить за сокрытие от нее информации и налогов какие-то дополнительные рычаги влияния на остальных «туземцев», обеспечивая их моральную или социальную зависимость от себя. В такого рода играх пятидесятники, сельские старшины и волостные могли выступать и как союзники, и как соперники — либо используя полезные связи для укрепления своих позиций, либо вступая в конкуренцию и даже конфликт в надежде получить дополнительный выигрыш. Причем «туземные» чиновники действовали по-разному: одни создавали коалиции друг с другом, другие опирались на влиятельные фракции и семьи в обществе, третьи апеллировали к общему мнению широких слоев, четвертые искали возможности свалить противника руками колониальной власти.

Отголоски всех этих локальных битв мы находим в многочисленных жалобах и петициях, которыми была буквально завалена российская администрация. В них говорилось о взятках, незаконных поборах, разных формах давления — грубости, угрозах, утаивании земельных наделов, и вообще они содержали массу разной информации, на основании которой у колониальных чиновников складывались свои практические представления о регионе⁶⁷.

⁶⁷ См.: *Morrison A. Russian Rule in Samarkand. P. 172—200.*

*Событие 1892 года*⁶⁸

Спустя всего семнадцать лет после кровавых боев за Ошобу в Туркестане появляются первые свидетельства о повседневных конфликтах, которые изнутри сотрясали жизнь местного сообщества. Если описание захвата кишлака никак не отражало внутренних делений и соперничества внутри этого сообщества, то новые материалы приоткрывают перед нами совершенно другой мир — полный собственных противоречий, взаимных недовольств и острых противостояний, которые своими корнями наверняка уходили в доколониальную эпоху.

19 декабря 1892 года начальник Наманганского уезда отправил на расследование к кокандскому мировому судье материалы дознания, проведенного чустским участковым приставом. В сопроводительном письме он сообщил, что 11 декабря в селении Ошоба Аштской волости при выборах сельского старшины произошел «беспорядок», был избит аштский волостной управитель, у которого также забрали внушительную сумму денег — 375 руб. Это преступление было совершено прежним сельским старшиной Мирзаолимом Таирбаевым и его братьями.

К делу прилагались показания потерпевших и обвиняемого:

1892 года декабря 15-го дня, я, чустский участковый пристав, подпоручик [неразборчиво], спрашивал аштского волостного управителя Магомет-Фазыла Шады-Магомедова, который показал следующее. 11-го декабря он произвел в кишлаке Ашаба выборы сельского старшины, домовладельцы разделились на две партии: в одной было 100 человек, которые держали сторону теперешнего старшины Мирза-Алима Таир-баева, а в другой — 300 человек, державших сторону Адина-Магомета Иса-Магометбаева. Руководствуясь законом, он объявил жителям, что всего домовладельцев в Ашабе 400 и из них 300 желают выбрать Адину-Мухамеда — это он и будет, согласно требований закона. Объявив

⁶⁸ Дело Ферганского областного суда Уголовного стола. По обвинению бывшего Ашабинского сельского старшины Мирза Алима Таирбаева в преступлении, предусмотренном 395-й статьей Уложения о наказаниях // ЦГА РУз, ф. 504, оп. 1, д. 1288. Л. 1—65 об. Далее я цитирую и пересказываю материалы дела без ссылок на архив.

о выборе, сам он пошел в дом Имамбая Муллабаева, где остановился, вошел в комнату и спал. Спустя некоторое время явился старшина Мирза-Алим со своими пятью братьями, вошел в комнату, схватил волостного за ворот одной рукой и за пояс другой, вытащил его на улицу, там стал его бить кулаками и пинать ногами, били его братья старшины — Мир-Амин, Газыбай, Далымбай, Магомет-Розык и Абду-Шаи. Кроме этих братьев в нанесении ему побоев принимали участие следующие лица, сторонники старшины: Дали Кабулбаев, Шир-Наукар Кадыр-Назаров, Шукур Кузыев, Нияз, не помнит по отцу, Хал-Тюря Сарымсаков и Бий-Тюря Сарымсаков. Когда его били, старшина Мирза-Алим вынул у него из кармана две сторублевых бумажки, 10 десятирублевков и 5 пятирублевков и 25-рублевку, всего 375 рублей. После этого явился с шашкой Саид-Мурад Ша-Мурадов и хотел его зарубить, замахнулся, после чего у него, у волостного, потемнело в глазах, так как он считал себя погибшим, и что было дальше, не знает. Пришел в себя он только тогда, когда его перенесли в комнату, где он все думал, что вот сейчас отдаст душу, его отпаивали чаем, резали козла и прыскали кровью⁶⁹, после чего ему стало легче. Свидетелями, как его били, были следующие лица: Мулла-Рахматулла Мулла-Халыков, Имамбай Муллабаев, Адина-Мат Мат-Каримов, Мумин Имамбаев, Джуман Уста-Ашуров, Иш-Мат Пир-Магометов, Абдувахит Ма-Ризаев, Али-Мат Иса-Матов, Кул-Мат Мир-Насыров, Канаат Мат-Мурадов, Марасул Ирнараров и Кабул Ирнараров. Когда его били, пострадали Салихан Ишанханов, у которого в свалке было отнято 90 рублей 15 копеек, и Худайберды Маулянов, у которого ранен на руке палец шашкой, что волостной видел своими глазами, это было в 10 шагах от него в начале драки. Побои ему нанесены были так часа в четыре пополудни. Ночью его караулили человек сорок, которые все думали, что он умрет. На другой день утром он выехал в к. Ашт, на дороге в сае Гудас его поджидал старшина Мирза-Алим с братьями и Саид-Мурадом Иса-Мурадовым с целью убить, об этом его предупредил Муминбай Имамбаев. Проезжая через Гудас-сай, волостной их увидел и во весь карьер поскакал в объезд, с ним были его писарь Мирза-Ахмад Насреддинов, Мад-Мурад Ша-Мурадов, Имамбай Муллабаев, Ашур-Мат

⁶⁹ Такой способ «лечения» применялся для того, чтобы отогнать злых духов.

Тюрябаев, Иш-Мат Пир-Магомедов, Адина-Мат Мат-Каримов и Абдувахит Мулла Магомет Ризаев, которые тоже с ним поскакали.

Тюрябаев чувствует, и теперь болят: левое плечо, грудь, правая нога и под ложечкой. Вот все, что с ним случилось. О наказании за ложный донос по ст. 940 Улож. о показаниях заявителю объявлено. Заявитель приложил печать.

1892 года декабря 16-го дня, я, чувский участковый пристав, подпоручик [неразборчиво], спрашивал сельского старшину Ашабинского общества Мирза-Алима Таирбаева, который заявил, что 11-го сего декабря месяца приехал волостной управитель Магомет-Фазыл Шады-Магомедов и собрал народ для выбора выборных, а затем, когда народ выбрал выборных, произвел выборы сельского старшины. Народ разделился на три партии: волостной две партии сосчитал и сказал, что будет выбран Адина-Мухамед Иса-Матов, так как за него около двухсот человек, что достаточно для закона, после этого волостной ушел [Илл. 9]. Толпа недовольных пошла за ним, требуя, чтобы он и их сосчитал, тогда волостной со сторонниками нового старшины Ишанхан Батырхановым, Мулла Рахматуллоу Мулла Халыковым, Иш-Матом Пир-Матовым, Имамом Муллабаевым, Мунином Имамовым, Джуманом Уста-Ашуровым, Худай-Бердыем Мауляновым, Салиханом Ишанхановым и Кабулом Ирназаровым побили его с братьями, отнесли в его дом и заперли, напугали его жену Рузы-биби, которая от страха родила и находится между жизнью и смертью, так как толпа была вооружена палками и кричала «грабь и жги». Перед тем, как его побил волостной, новый старшина Адина-Магомед в переулке отнял у него казенную печать и должностной знак, при этом был брат нового старшины Нур-Магомет Иса-Матов, у него же свидетелей не было. О наказании за ложный донос заявителю объявлено. Заявитель неграмотен, приложил тамгу⁷⁰ <...>

1892 года декабря 16-го дня, я, чувский участковый пристав, подпоручик [неразборчиво], спрашивал Ашабинского сельского старшину Мирза-Алима Таирбаева в дополнение показания, причем последний показал, что 12-го декабря он поехал с пятью братьями в Ашт и еще кроме

⁷⁰ Колониальные чиновники для подтверждения того, что они действительно проводили допрос, сопровождали протокол изображением персональной тамги допрашиваемого. Тамга — особый знак, которым каждый житель кишлака маркировал свой скот.

Илл. 9. Центральная улица Ошобы, 2010 г.

этого с ними были Саид-Мурад Ша-Мурадов и Шир-Назыр Кадыров. Уехал он из Ашабы, так как боялся оставаться в Ашабе, думая, что его убьют. Опрашиваемый неграмотен, приложил тамгу.

Пристав допросил также других участников и свидетелей декабрьских событий в кишлаке. Одни повторяли версию аштского мингбаши, другие — бывшего ошобинского аксакала, третьи же и вовсе утверждали, что ничего не видели и ничего не знают. В результате главный обвиняемый, Мирзаалим Таирбаев, был все-таки арестован и помещен в наманганскую тюрьму, но уже в январе 1893 года братья внесли за него залог в размере 900 руб. и он был освобожден.

В мае того же года помощником мирового судьи Кокандского уезда были произведены новые дознания по этому делу и еще раз опрошены все участники произошедшего конфликта. Приведу выдержки из показаний Мирзаалима Таирбаева:

Зовут меня Мирза-Алим Таирбаев, 34 лет от роду, мусульманского вероисповедания, я тюрк к. Ашаба, живу в к. Ашаба, женат, занимаюсь

земледелием и скотоводством, из имущества имею дом с усадьбою, землю, под судом не был.

Я не признаю себя виновным в том, что в декабре прошлого года нанес побои аштскому волостному управителю после того, как он произвел выборы нового старшины с. Ашаба. Я не наносил побои волостному управителю. Это волостной управитель выдумал. Ему сказали, что я желаю быть волостным управителем, и [он] чтобы что-нибудь повредить мне, выдумал, что я побил его. Ничего этого не было. Свидетелей он, вероятно, подговорил. Напротив, после выборов, когда я пришел к волостному управителю в дом, то он с жителями с. Ашаба Рахматуллою Мулла Халыковым, Кобылом [неразборчиво], [неразборчиво] Ирнараровым набросились на меня и избили, ничего не говоря. Приходил я к волостному с тою целью, чтобы проводить его в Ашт. На другой день с толпою я не встречал и не поджидал волостного управителя на дороге в Ашт, на реке. Неграмотен. Ставлю знак.

В октябре 1893 года дело было сдано, а в апреле следующего года вынесено новое постановление, согласно которому по личному предложению ферганского областного прокурора дело должно было быть передано судебному следователю при Ферганском областном суде для дополнительного производства. Разбирательство и новые допросы возобновились в июне 1894 года.

В частности, в показаниях аштского волостного управителя спустя полтора года после происшествия появились новые детали:

Я, Магомед-Фазыл Шады-Магомедов, [неразборчиво] показываю. После окончания выборов, производившихся мною в к. Ашаба в 1892 году, я оставил всех выборщиков, выбранных и зрителей на площади за кишлаком, а сам поторопился уйти, зная, что выборщики сильно возбуждены, с площади я уехал лишь в сопровождении моего джигита Халь-Магомеда. Приехав к дому Имамбая, я вошел в михмонхану [гостиную], где расположился ранее, а Халь-Магомет остановился на улице при лошадях. В это время в доме Имамбая никого не было, но вскоре вслед за мной приехал сын Имамбая, Мумин, который с перепуганным лицом вбежал ко мне в помещение и объявил, что братья Таирбаевы идут

сюда за мной. Объявив мне это, он поспешил удалиться вовнутрь двора и там где-то спрятаться. Ко мне в михмонхану вошел Мир-Алим и грубо потребовал, чтобы я пошел производить новые выборы. Когда же я начал что-то возражать, то он схватил меня за пояс и вытащил из михмонханы на айван [веранду], там оказался старшина Мирза-Алим, который прямо схватил меня за горло и стал кричать: «Ты чего меня не выбрал? Ступай делать новые выборы». При этом оба они, Мирза-Алим и Мир-Алим, тащили меня долой с айвана, и так как я упирался, то они стали бить меня кулаками и толкать. Я говорил, что выборов новых произвести по закону не могу, но они не слушали и продолжали тащить меня, нанося мне побои. Я стал просить, чтобы мне дали надеть калоши, но они и этого не дали и волокли меня дальше. На дворе оказались остальные братья Таирбаевы — Газыбай, Далимбаи, Магомет-Разык и Абду-Шаи, которые все спустились [дом Имамбая находился в нижней части кишлака, а площадь — в верхней] на помощь к своим братьям, окружив меня, стали тоже тащить и толкать к воротам, требуя, чтобы я произвел новые выборы. Когда мы всей толпой проходили под воротами на улицу — то Газыбай схватился за мой карман в [неразборчиво] и вырвал [зачеркнуто «пояс и развязал»] его, вынул из него бывшие в нем мои собственные 375 рублей денег, причем все они кричали: «Это у тебя, наверное, деньги, которые ты получил с нового старшины». Я божился, что это мои собственные деньги и даже поклялся именем моей жены, чем осквернил ее честь, по нашим понятиям [имеется в виду, что муж не должен публично называть имени своей жены], но Таирбаевы мне не поверили и Газыбай деньги удержал у себя.

Когда меня таким образом вытащили на улицу, то там оказалась уже целая толпа приверженцев Таирбаевых — теперь их всех по именам не помню, и их имена были мною все тогда же вечером записаны и сообщены приставу при дознании. Из них один, Саид-Мурад Ша-Мурадов, имел в руках шашку, которую он потом передал старшине Мирза-Алиму. Тут меня продолжали все бить и толкать, возбуждая [неразборчиво], и братья Таирбаевы стали уже кричать: «Чего смотришь, надо его убить, не убивая его, мы ничего не сделаем». Тут была вокруг меня такая свалка, что я вполне точно не мог определить, кто именно тащил меня за руки, кто наносил побои и толкал меня. Все братья Таирбаевы

были тут вокруг меня — какие-то из них били меня и толкали. Когда же в руках Мирза-Алима блеснула шашка, то я совсем потерял голову, считая себя потерянным. Еще ранее, когда меня только вытащили на улицу, на крыше соседнего дома я заметил одну женщину и Салихана. Женщина стала кричать: «Дот [караул!], волостного убьют», вследствие чего Салихан, обративший внимание на свалку, а может, и ранее заметивший ее, бросился бежать ко мне на помощь. Он втиснулся в толпу и, говоря Таирбаевым: «Что вы делаете, это нельзя», стал оттаскивать меня за рукава из толпы, но тут его сейчас же оттерли от меня, причем также нанесли сильные побои, кто именно — Салихан не заприметил.

Почти в это время прибыл откуда-то Худай-Берды, который тоже стал порываться извлечь меня из толпы и образумить нарушителей порядка, но и ему тоже были нанесены побои, причем я видел, как в воздухе мелькнула над ним шашка, после чего он упал. Кто именно нанес ему удар шашкой — это я точно разобрать не мог. В это время вследствие поднятого шума, криков и суматохи с площади сюда стал стекаться народ, а именно прибыли все те, которых я показывал раньше приставу, кроме того, масса народу сбегалась, почти все участвовавшие на выборах. На площади распространился слух, что меня убили, и толпа бежала с тем, чтобы ловить и вязать убийцу. Когда Таирбаевы и их приверженцы увидели бежавшую с криком, шумом и возгласом «где убийцы, вязать их» толпу, то они, не дожидаясь столкновения с прибывшими, бросились бежать, оставив меня валявшимся во прахе среди улицы, откуда меня подняли прибежавшие и отнесли в дом Имамбая.

Я был без сознания час-полтора, не приходил в себя, потом только избитые места мне промачивали кровью свежезаколотого барана. Когда я очнулся, то увидел себя окруженным рядом лиц, имена их я не знаю, так как мало был знаком с ними. Они все были сообщены мною приставу по своей памяти. Я спросил их осведомиться, где мой мирза Мирза-Ахмад, уже не убит ли он, тут стали разыскивать его, и оказалось, что когда он ехал ко мне с площади, то он был перехвачен Мир-Алимом и заперт в какую-то конюшню, где и просидел несколько часов, пока его не освободили разыскивавшие его люди, Иш-Мад Джуман и многие другие. Деньги Таирбаевы мне не возвратили. Они сговорились между собой отдать мне деньги и просить меня, чтобы я с ними помирился — но об

этом мне известно только по базарным слухам, мне многие сообщали это как слух, но ко мне лично Таирбаевы с такого рода предложением не обращались и мира не просили, также никого ко мне не подсылали с этой целью. Денег у меня [неразборчиво] собралось много, потому что я тогда только что получил жалованье за несколько месяцев — во время холеры [в 1892 году в Туркестане была эпидемия холеры] я за жалованьем не ездил, а получил деньги все сразу. Что я взял с собой эти деньги в Ашабу, мне никому говорить не пришлось и это никому известно не было.

После полученных мною побоев я прохворал приблизительно около месяца. И на следующий день после происшествия Мирза-Алим со своими приверженцами пережидал меня на Гудас-сае, как я полагаю, с целью убить меня, но со мною было много народу и столкновение между нами не произошло.

Всего по делу было еще раз допрошено более двадцати человек. К сожалению, я вынужден сократить эту часть и не цитировать все показания, которые, хотя и рисуют в разных красках картину произошедшего, мало что добавляют с точки зрения ее анализа. Упомяну лишь, о чем сообщили еще двое участников тех событий:

Ишанхан-тюря Батырханов, 49 лет, живет в Ашабе, тюрк, несудим, грамотен. Для производства выборов в пятидесятники и старшины в 1892 году волостной приехал в кишлак и остановился в доме моего соседа Имамбая. Он созвал нас, объявил, что произведет выборы. Мы в назначенный день отправились к площади. Сперва были избраны пятидесятники, потом мы приступили к выборам старшины. Кандидатов было два: Адина и Мирза-Алим. За Мирза-Алима подали голоса человек 70, а за Адина-Мада человек 200 и того больше. Волостной сосчитал вторую партию, объявил избранным Адину и уехал домой, вслед за ним полегоньку отправились и мы. Я шел домой, по улице шло много народа, все с выборной площади направлялись по своим домам. Вдруг в стороне моей послышались крики «дот», мы бросились бежать на крик и, подбегая к дому Имамбая, увидели, что братья Таирбаевы, все шестеро, толпятся вокруг волостного, лежавшего на земле. Неподалеку

лежал мой сын [Салихан], разбитый в кровь. Таирбаев, несмотря на то, что нас сбежалось довольно скоро много народа, продолжал лезть к волостному и ругался, кричал, что его и совсем убить надо, однако их скоро вытолкали с двора, и я принялся подавать помощь избитым. Сын очнулся довольно скоро, волостной долгое время лежал с закрытыми глазами, не приходя в себя. Мы зарезали барана, стали поливать свежей кровью избитые места — плечи и грудь, я стал читать Коран над волостным, после чего он очнулся. Тут он, придя немного в себя, рассказал нам, что его не только побили, а, кроме того, еще вырвали у него из чекменя вместе с карманом 375 р. денег, и показал нам вырванный карман. Сын мой Салихан тоже пришел ко мне и заявил, что у него Мирза-Алим отнял 90 р. 15 к., которые я оставил ему на хранение, отправившись на выборы. Я рассердился на него, стал его журить, зачем он не спрятал сразу деньги в сундук, как я ему приказал. Он же стал оправдываться, что заработался по домашнему хозяйству и поэтому не мог спрятать деньги, а тут как раз случилось такое несчастье <...>

Адина-Мад Иса-Мадбаев, 38 лет, тюрк к. Ашаба, несудим, неграмотен. После выборов я вернулся домой и ко мне по обычаю, как к новому старшине, собралось много народа поздравить меня с избранием. Когда у меня сидели гости, то вдруг послышался крик и смятение в кишлаке, поднялась беготня, кто-то сообщил, что волостного избili. Некоторые из моих гостей ушли, некоторые остались, я, как хозяин, отлучиться не мог и поэтому оставался дома до вечера, только вечером я улучил время и побежал проведать волостного. Он лежал, вокруг него было много народа, он рассказал, что его не только побили, но и ограбили. Больше мне ничего не известно. Ни печать, ни должностного знака у Мирза-Алима не отбирал, это он все наврал. Печать и должностной знак я получил от пристава.

В июле 1894 года Мирзаолим опять был арестован, а в августе освобожден из-под стражи, после того как его брат Мухаммад-Гозы (в документе Магомед-Газы) внес за него залог — 400 руб. В октябре следующего года дело рассматривалось Общим присутствием Ферганского областного правления, а в мае 1896 года было передано в Ферганский областной суд, и наконец в июне, спустя три с половиной года после скандальных

выборов ошобинского старшины, было вынесено заключительное решение. Суд постановил, что наказанием за совершенное преступление должны стать лишение Мирзаолима Таирбаева всех прав и ссылки его на поселение, но потом, признав «легкомыслие» и «крайнее невежество» обвиняемого и сославшись на манифесты об амнистии, наказание смягчили до заключения в тюрьму на пять месяцев и десять дней.

Попытки категоризации

Происшествие, ставшее предметом разбирательства, в общем-то довольно банальное и достаточно невинное по своим последствиям. Подобные конфликты между семьями, конкурирующими в борьбе за те или иные ресурсы, происходят в любом локальном сообществе и имеют во многом символический характер, редко подрывая основы единства и взаимозависимости членов общины. В.П. Наливкин, обобщая такого рода случаи, с иронией писал⁷¹:

Разодрались два сарта; разодрались, конечно, не а la gusse, то есть без вышибания зубов, без сворачивания скул и другого членовредительства, а чинно, по-сартовски. Драка эта происходила приблизительно так: сначала оба из-за чего-то поругались, причем один упомянул о матери; другой не спустил и к матери присовокупил дочь; после этого досталось всем, и отцу, и деду, и могиле прадеда, и опять матери, и, наконец, чалме и тюбетейке; тогда, прийдя в заправский азарт, они схватили друг друга за ворота, стали кричать еще громче, порвали рубахи и менее увертливый получил две плюхи, на память о которых остались синяк под глазом и царапина на левой щеке. Поплатившись целостью рубахи, получив синяк и царапину на щеке, сарт считает себя не только побежденным, но даже и избитым. Он кричит «вай-дод» (караул). Около дерущихся собирается толпа; лишь очень немногие подзадоривают; большинство стремится к умиротворению.

⁷¹ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань: [б.и.], 1886. С. 140.

Освободившись от противника, успевшего дать ему на прощанье еще и подзатыльник, побежденный начинает выть, иногда совершенно по-бабьи, и просить присутствующих быть свидетелями оказанной ему несправедливости. Учув кровь, он размазывает ее по лицу, иногда нарочно расковыривает царапину, дабы добыть оттуда несколько лишних капель, необходимых ему для надлежащего татуирования, искусственно приводит свое одеяние в возможно безобразный вид и тогда только, найдя, что он вполне достаточно замаскировался, отправляется к начальству искать правосудия. Через полчаса на базаре рассказывают, что в такой-то улице происходила страшная драка — «джуа уруш будды»!

Такие драки и выяснения отношений между отдельными местными жителями или целыми их группами периодически случались, но оставались вне поля зрения российской власти, не представляясь ей интересными или угрожающими, — она либо вовсе ничего не знала (и не собирала никаких сведений) о них, либо знала, но считала их внутренним делом местного сообщества, которое само могло урегулировать проблему. Очередная драка в Ошобе оказалась в центре внимания лишь потому, что речь шла о должностных лицах — прежде всего волостном управителе, на которого было, как он утверждал, совершено покушение. Нападение на представителя власти, пусть даже «туземной», или угроза такого нападения требовали по закону специального расследования и наказания виновных. Возможно, внимание к этому конфликту было обусловлено тревогой российских чиновников после событий в июне 1892 года в Ташкенте, где похожие межфракционные столкновения закончились убийствами и антиколониальными выступлениями⁷².

Как колониальная власть описывала указанный конфликт в Ошобе и классифицировала его участников?

Во время первого дознания участкового пристава не интересовала какая-либо информация об участниках событий. Второго чиновника — помощника мирового судьи — интересовали их имена, возраст, вероисповедание, национальность, место проживания, семейный статус,

⁷² *Sabadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865—1923. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2007. P. 79—107.

источники дохода, имущество и наличие судимости. Наконец, судебный следователь в протоколе отмечал только имя, возраст, место проживания, грамотность и судимость.

Из материалов помощника мирового судьи можно узнать, в частности, что из шести братьев Таирбаевых четверо занимались земледелием, пятый — претендент на должность сельского старшины — земледелием и скотоводством, шестой — неформальный лидер беспорядков — торговлей. Все были женаты, имели дома с усадьбой и землей. Однако эти социальные характеристики, приоткрывающие нам содержание экономической деятельности жителей Ошобы, были не объяснительной моделью конфликта, а всего лишь формальным и стандартным набором сведений, входящих в опросную форму.

Весьма интересной является национальная классификация. Все опрошенные по делу местные жители назывались «туземцами», что было официальным наименованием. Первого чиновника национальность не интересовала вовсе. Второй отметил только одну категорию — тюрк. В протоколе же третьего чиновника фигурировало тридцать человек, из которых двадцать были записаны «тюрками», пять — «сартами», а остальные пять (включая волостного управителя, его писаря и джигита, то есть неошобинцев) остались без национальности. Из документов непонятно, каким образом следователь отличал тюрков от сартов, были ли это самоназвания — и почему тогда не одно, а два, или же чиновники использовали данные категории произвольно, исходя из собственных представлений и предубеждений? Один раз в материалах употреблена категория «таджик», но в особом случае: таджиком был сначала записан один из участников происшествия, Салихан Ишанханов, затем это слово было исправлено на «тюрк». Была ли это просто описка или перед нами пример, когда чиновник не мог точно определить национальность, опять же не совсем ясно⁷³. В целом национальная категоризация, как и социальная, была скорее формальной и не служила для объяснения произошедшего конфликта.

Учитывая, что российские чиновники несколько раз проводили допрос одних и тех же лиц, можно, наверное, сделать заключение, что

⁷³ Салихан и его отец Ишанхан считались ошобинцами, но происходили из семьи, которая недавно поселилась в кишлаке. О семье Ишанхана см. Очерк 8.

они затруднялись с установлением подлинных обстоятельств дела. Показания разных сторон довольно сильно различались, при этом было очевидно, что все стороны что-то утаивают и пытаются представить ситуацию в выгодном для себя свете. На той и на другой стороне были люди, которые занимали должности местных чиновников, то есть уже выражали свою лояльность к власти. У колониальных чиновников не было достаточных знаний о местном сообществе, чтобы точно отследить все взаимосвязи, и не было инструментов, чтобы такие знания получить. Слишком общие и неточные социальные и национальные классификации тоже оказались бесполезными для анализа вполне конкретного случая. В результате трех с половиной лет разбирательств, когда конфликт давно уже потерял свою актуальность, власть была вынуждена ограничиться почти формальной его оценкой и назначить обвиняемому не слишком тяжелое наказание.

Мы знаем, что в некоторых случаях, таких как холерный бунт 1892 года в Ташкенте или андижанские события 1898 года, колониальная власть предпринимала гораздо более основательные меры для расследования, сбора информации и анализа местного общества и отношений внутри него. Это касалось в первую очередь тех событий, которые привели к жертвам среди российских чиновников и вызвали жесткие ответные действия. Впрочем, и такие события тоже получали самые разнообразные интерпретации, в том числе в духе теорий заговора, и становились предметом нескончаемых споров и преувеличенных страхов. Большинство же локальных конфликтов наподобие ошобинского оставались на периферии колониального внимания, власть была неспособна в них разобраться, да и не особенно к этому стремилась.

Попытки манипулирования

Дела, подобные тому, о котором я пишу, демонстрируют не только способы, какими колониальная власть пыталась говорить о местном обществе, но и те механизмы, которые использовали местные жители, чтобы влиять на колониальную власть. Расследование уголовного дела уже само по себе основывалось на неравенстве этих двух сторон —

власть выступала в абсолютно доминирующей роли, подразумевающей легитимное, неоспоримое право на вынесение окончательного вердикта о произошедшем, определение и применение наказания. Однако даже в этих заданных рамках у колонизированных акторов были возможности для обмана, манипуляции и сопротивления с помощью отсылки к тем нормам, которые содержались в российских же законах, и к той публичной риторике, которой придерживались колониальные чиновники.

Обе стороны в конфликте апеллировали прежде всего к тому, что они сами представляют местную власть, действуют в соответствии с российскими законами и насилие против них было совершено именно как против власти. Даже бывший сельский старшина, который вроде бы потерял должностные права, настаивал на том, что должностные символы — печать и знак — были отняты у него насильно, а значит, это было покушение на властный порядок. В свою очередь, волостной управитель подчеркивал, что не только он, но и его писарь, тоже своего рода представитель власти, были схвачены и лишены свободы.

Сторона победившего сельского старшины подчеркивала, что их противники воспользовались шашкой, то есть боевым оружием, хранение которого было, видимо, запрещено. При этом приводились свидетельства, что недовольные выборами готовы были даже убить волостного управителя, что, конечно, отягощало их вину и придавало событиям характер вооруженного мятежа против законной власти. И хотя в показаниях это выглядело несколько карикатурно, но стремление уличить противника в наиболее тяжком, с точки зрения колониальных чиновников, деянии говорит о желании манипулировать колониальными страхами.

Волостной управитель особенно подробно описывал свои страдания от побоев и пытался изобразить произошедшую потасовку в явно преувеличенном виде. Но и сельский старшина не оставался в долгу. Он дал показание, что сторонники волостного ворвались в его дом и в комнату, где находилась его беременная жена, которая после этого от страха преждевременно родила. Здесь я хочу обратить внимание на то, что само по себе проникновение посторонних мужчин в женскую половину дома было серьезным оскорблением и нарушением местных норм этикета, тем не менее бывший сельский старшина говорил не о собственной оскорб-

ленности, а о физических страданиях жены. Он явно пытался играть не только на теме насилия, но и на чувствительности колониальной власти к проблеме угнетенных мусульманских женщин. К слову, судебный следователь действительно отреагировал на это сообщение и даже провел допрос жены обвиняемого сельского старшины — 25-летней, как сказано в деле, «тюрчанки» Рузиджан-биби Иса-Мухамедовой. Однако в данном случае не нашлось каких-то оснований для преследования сторонников волостного управителя.

Отдельной темой расследования стала кража денег у волостного управителя и у одного из ошобинцев. Она выглядела, с одной стороны, как важный пункт обвинения в адрес бывшего сельского старшины и его братьев, а с другой стороны, как тема для намесков и оправданий. Откуда у волостного управителя оказалась в день выборов весьма приличная сумма денег? Откуда значительная сумма оказалась и у сына одного из наиболее влиятельных жителей Ошобы, который поддержал на выборах нового сельского старшину? Колониальные чиновники решили не изучать эти вопросы детально, ограничившись получением устных объяснений, но, кажется, всем было понятно, что здесь что-то нечисто. Чиновники просто отказались рассматривать дальше эту линию.

Обвиненный в нападении на волостного управителя бывший сельский старшина не пытался доказать, что чиновник из Ашта был подкуплен его соперниками, хотя этот мотив звучал в разбирательстве. Мирзаолим тем не менее стремился свернуть расследование на проблему неверного подсчета голосов на выборах.

Волостной управитель несколько раз назвал результаты выборов в Ошобе: первый раз — 300 (потом добавляет «почти») против 100, второй раз — 291 против 109. По утверждению же Ишанхана Батырханова, сторонника выигравшей стороны, за прежнего сельского старшину проголосовало 70 человек, за вновь избранного — 200 «или более». Сам проигравший Мирзаолим Таирбаев рассказал и вовсе другую версию событий: было три, а не две партии, но волостной сосчитал сторонников только двух партий и, получив «около» 200 голосов, решил присудить победу его сопернику, поэтому третья партия, которая не имела лидера, требовала сосчитать и их тоже (или «провести новые выборы», как это звучало в версии волостного управителя).

400 (или 399) домохозяев, имеющих право голоса, — это официально фигурирующая в российских документах в 1892 году численность «домов». Поэтому волостной управитель строго придерживался этого числа в своих расчетах, чтобы оставаться в рамках официальной колониальной картинки. Сами же ошобинцы имели собственные представления о том, кто имеет право участвовать в голосовании и как подсчитывать голоса. На коллективные публичные мероприятия собирались, как правило, старики и главы семей, причем нередко такого рода сходы совмещались с какими-то ритуальными мероприятиями⁷⁴ (Илл. VI). Из личных данных допрошенных видно, что женатые мужчины в возрасте двадцати—тридцати лет в выборах не участвовали, но это не означает, что они лишались права голоса: от их имени могли выступать и говорить старшие члены семьи. Судя по всему, на выборы в Ошобе пришло не 400 человек, а гораздо меньше — по показаниям Ишанхана Батырханова, напомним, 270. При этом получилось расхождение между действительным числом присутствующих и числом голосов, которые могли учитываться, что уже создавало возможность для манипуляции при подсчете.

Еще одна особенность голосования состояла в том, что оно проводилось, видимо, открыто, путем публичного опроса волостным управителем каждого голосующего — поднятием руки, как говорил мне сын одного из аксакалов. Причем, если верить проигравшей стороне, предлагали голосовать за каждого кандидата в отдельности. В такой ситуации многие из тех, кто колебался, не имел своей точки зрения или боялся поспорить с обеими партиями, готовы были проголосовать и за прежнего сельского старшину, и за нового. В этом случае волостной управитель, пользуясь своим правом, вначале поставил на голосование кандидатуру

⁷⁴ Начальник Чустского уезда писал в 1879 году в рапорте по поводу одного происшествия в селении Ашт: «Но зато при этом выяснился порядок выбора должностных лиц: накануне выборов аштский житель Мир-Халдарбай, по состоянию довольно богатый, желая выставить кандидатом своего 22-летнего сына, с целью заправлять потом всем самому, устроил в аштской соборной мечети “Намаз-ажума” угощение, на которое было приглашено до ста человек стариков, которые и выбрали сына его, Мулла-Хады, кандидатом» (ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 393. Л. 135). См. также о процедуре выборов: *Абдураимов М.* Пережитки сельской общины в узбекском селении Хумсан (XIX — начало XX в.) // СЭ. 1959. № 4. С. 44, 45.

Одинамата Исаматова (Адина-Магомет Иса-Магомет-баев) — подсчитанных голосов «за» оказалось формально достаточно, чтобы считать выборы состоявшимися. Сторонники же Мирзаолима Таирбаева вполне логично требовали перевыборов, которые могли дать, если бы первым поставили имя прежнего аксакала, другие результаты, поскольку часть проголосовавших за Одинамата при такой системе подсчета могла проголосовать и за Мирзаолима. Это объясняет, почему последний говорил о трех партиях, а не о двух — к дополнительной партии он отнес, видимо, тех, кто колебался. При такой схеме выборов предложенные российской властью инструменты давали в руки волостного управителя рычаг для манипулирования этой запутанной ситуацией и продавливания тех, кому он симпатизировал. И, конечно, крупная сумма денег, которая будто бы случайно оказалась с ним в Ошобе, и Таирбаевых, и меня заставила сомневаться в его бескорыстии.

Чего российская власть не увидела?

Реконструировать жизнь в Ошобе на рубеже XIX и XX веков, как ее видели и строили сами местные жители, сложно, так как доступные источники отражают скорее искажающий взгляд российских чиновников на эту жизнь. Я попробую, используя разные архивные документы и результаты некоторых родственно-генеалогических изысканий, предпринятых мной в 1995 и 2010 годах, хотя бы чуть-чуть дополнить информацию об основных участниках конфликта. Моя цель — показать сложное переплетение отношений в Ошобе, борьбу различных группировок и конкретных людей за власть.

Из архивов мы узнаем, что ключевой фигурой для колониальной администрации был волостной управитель. Российские чиновники внимательно следили за претендентами на эту должность, вели, можно сказать, на каждого особое досье. Волостные управители довольно часто менялись. Известно, что в 1880-е годы в Аштской волости эту должность последовательно занимали по меньшей мере три человека. В 1887 году волостным управителем был избран известный нам по вышеописанному делу аштский житель Мухаммед-Фазыл Шады-Мухаммедбаев (Магомет-

Фазыл Шады-Магомет-баев). Из разных документов известно, что ему в тот момент было сорок лет, он был назван «малограмотным», в его пользовании было 50 танапов земли и имущества на сумму 3 тыс. руб.⁷⁵ В 1892 году Мухаммед-Фазыл уже владел 130 танапами земли и имуществом на сумму до 7 тыс. руб.⁷⁶ По данным же 1896 года, он имел в селении Ашт два дома, сад и 200 танапов земли — всего стоимостью до 1 (по-видимому, 10?) тыс. руб.⁷⁷ В 1897 году был избран новый волостной управитель⁷⁸. Мухаммед-Фазыл продержался, таким образом, на своей должности десять лет, показав бесспорное умение выстраивать отношения и с российской властью, и с местными элитами, от которых зависели его пере выборы. За этот срок ему удалось в несколько раз увеличить свой легальный капитал, что, конечно, говорит о том, что должность была для него в экономическом отношении не бременем, а источником роста благосостояния.

В Аштской волости селение Ашт было наиболее старым и крупным, а значит, давало самое большое число выборщиков (пятидесятников) на волостной съезд. Здесь же жили многие элитные и богатые семьи, поэтому неудивительно, что среди волостных управителей и народных казиев в течение полувека встречаются главным образом аштцы. Однако аштские жители вовсе не имели абсолютной монополии на власть. Известны случаи, когда на должность мингбаши и его заместителя претендовали выходцы из других селений, в том числе и из Ошобы. В устных рассказах мне называли, в частности, Эшмата-мингбаши. Видимо, речь идет об Иш-Мухаммаде Эр-Назарове (в документах Иш-Магомет Ир-Назарбаев), который на выборах 1884 года был избран на должность заместителя волостного управителя — за него проголосовали 37 из 38 выборщиков⁷⁹. В бюллетенном листе говорилось⁸⁰:

⁷⁵ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 1779. Л. 185.

⁷⁶ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 4062. Л. 7 об., 57.

⁷⁷ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 33420. Л. 170.

⁷⁸ В 1897 году новым волостным управителем стал другой аштский житель — Мухаммад-Шариф Мирза-Халилов (из Нижнего Ашта), грамотный, немного знающий по-русски и имеющий имущество на сумму до 3 тыс. рублей (ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 33420. Л. 454).

⁷⁹ Волостным управителем стал тогда житель Гудаса Магомед-Хаилл Усар-Магомедов.

⁸⁰ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 1460. Л. 278—279 об., 503.

Иш-Магомет Ир-Назарбаев, ашабинский житель, 42 года, неграмотный, под судом и следствием не был, по профессии перекупщик, капитал оборотный — 200 рублей, земли имеет в Ашабе 15 танапов, садов и дом, всего недвижимого имущества на сумму двести тиллей.

Далее российский чиновник резюмировал:

Иш-Магомет Ир-Назаров по роду занятий занимался постоянной мелочной торговлей: спичками, иглоками и пр. в Ташкенте, никогда не занимался хозяйством и потому не может быть представителем интересов волости.

Что случилось дальше с Иш-Мухаммадом, неизвестно⁸¹. Но факт такого избрания, пусть на короткий срок, показывает, что ошобинцы вполне могли быть реальными конкурентами аштцев, в частности Мухаммад-Фазыла, на должность волостного. Ошоба была вторым по численности населения сельским обществом в Аштской волости, здесь избиралась в начале 1890-х годов значительная группа депутатов на волостной съезд. Поэтому влиятельный лидер, имеющий известность и поддержку со стороны родственников и разного рода зависимых от него людей, обладающий значительными финансовыми ресурсами для ведения избирательной кампании (то есть подкупа депутатов из других селений) и способный выстроить доверительные отношения с российскими чиновниками, вполне мог бросить вызов Мухаммад-Фазылу. Об этом как раз и говорили братья Таирбаевы в показаниях помощнику кокандского мирового судьи.

Братья Таирбаевы действительно были вполне реальной силой. Даже в 1995 году многие мои собеседники в Ошобе хорошо помнили о них и называли одним из самых влиятельных ошобинских семейств, правда,

⁸¹ В устных рассказах мне попадалось имя Эшмат-эликбаши, который был якобы сыном Онор-пансада. Он занимал административные должности и даже собирал налоги в разных кишлаках, что скорее указывает на должность мингбаши, нежели пятидесятника. Впрочем, идет ли речь о том же самом Эшмате или о ком-то другом, установить не удалось (см. Очерк 7).

в воспоминаниях фигурировали семь братьев, а не шесть⁸². Братья, каждый из которых имел собственную разветвленную сеть друзей и родни (по жене и по детям, вступившим в брак), действовали солидарно и могли мобилизовать значительное число общих сторонников.

К слову, 34-летний Мирзаолим был младшим из братьев, старшему из них, Долимбаю, было 52 года. Это обстоятельство также не удивляет. Из многочисленных источников того времени известно, что выдвижение младшего брата или даже сына на официальную должность было обычной практикой для влиятельных семей. Настоящие лидеры в таких случаях чаще всего предпочитали держаться в тени, что позволяло не выставлять напоказ связь между могуществом и властью, скрывать личные амбиции и более эффективно использовать риторику защиты не индивидуальных, а коллективных нужд и интересов.

Такой теневой фигурой среди братьев Таирбаевых был 48-летний Мухаммад-Гозыбай (или просто Гозыбай). Это имя хорошо сохранилось в памяти ошобинцев. В местных устных историях говорилось, что он был картежником (*қиморчи*) и однажды, сильно проигравшись в карты, бежал в Кашгар⁸³, там женился на вдове состоятельного человека, после чего вернулся в Ошобу богачом, сумел приобрести много земли (напомню, что во время дознания основным видом его заработка была названа торговля). Гозыбай, кажется, прибегал к откровенно популистским мерам общественного подкупа, чтобы заручиться поддержкой населения кишлака. Молва приписывала ему, например, такое нововведение, как приглашение в Ошобу канатоходцев, которые устраивали представления для ошобинцев — после Гозыбая это вошло в моду.

Важная для обсуждения фигуры Гозыбая деталь — его бегство в Кашгар. Хотя в устных историях это выглядело как результат порочных наклонностей героя, я думаю, что в реальности дело обстояло сложнее.

⁸² В документах, напомню, названы Мирзаолим, Долимбай, Гозыбай, Мухаммад-Розык, Абдушой, Миролим (он еще назван Мирамином и Миравлией). В воспоминаниях фигурировали Мирзаолим, Долимбай, Гозыбай, Мамарозык, Миролим, Абдушоир (информатор назвал его Авлией) и Махмудшоир. Кто больше путался — нынешние потомки или современные братьям следователи, сказать трудно.

⁸³ Так назывался в XIX веке китайский Синьцзян, населенный мусульманами.

Напомню: в конце 1860-х годов в результате восстания против китайцев в Кашгаре образовалось несколько самостоятельных мусульманских владений, наиболее крупным из которых руководил бывший кокандский подданный Якуббек. Под его знамена собиралось много мусульман из разных регионов: одни из них рассчитывали исполнить свой религиозный долг в борьбе с «неверными» китайцами, другие надеялись быстро сделать на войне карьеру и разбогатеть. В 1875—1876 годах многие жители Кокандского ханства бежали к Якуббеку, скрываясь от российского завоевания и, возможно, надеясь продолжить в рядах его войска священную войну. В 1877 году Якуббек внезапно умер, созданное им государство было разгромлено китайской армией, десятки тысяч людей бежали обратно в Среднюю Азию, в том числе и в уже к тому времени российский Туркестан. Не исключено, что Гозыбай, которому, если верить колониальному досье, в 1875 году было около 31 года, отнесся к тем, кто воевал с российскими войсками, а потом отправился в Кашгар, чтобы продолжить там освободительную войну⁸⁴. Если так и было, то это характеризует нашего героя как человека весьма активного, амбициозного, склонного к авантюрам.

У Гозыбая были, безусловно, свои властные амбиции. В архивах я нашел свидетельство, что в 1887 году он был избран сельским старшиной Ошобы. В «Краткой выписке о прохождении службы старшины Ашабинского сельского общества Аштской волости Магомед-Газы Таирбаева», составленной в 1889 году, говорилось⁸⁵:

Мухамед-Газы Таирбаев, 45 лет, знаков отличия не имеет, житель Ашабы, магометанского вероисповедания, неграмотный. Поступил на службу сел. старшины 29 апреля 1887 года по выбору народа, наград не получал, в отпусках не был, имеет 2-х жен: 1) кашгарская жительница Балтыджан Турсункулова, 28 лет, ее дети Нарымбай 6-ти лет, и Нишанбай 5-ти лет, и Хал-Мухамед 3-х лет, 2) ашабинская жительница Тилля-

⁸⁴ К слову, имя «Гозы» (*guziy*, то есть участник войны с неверными), возможно, было его прозвищем, полученным как раз в связи с этими событиями. В местном обществе многие прозвища становятся вторым, а то и первым именем.

⁸⁵ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 2663.

биби Мухамед-Каримбаева, 16 лет, детей нет⁸⁶. В 1887 году начальником уезда был подвергнут штрафу в размере 10 рублей за нерадение к службе.

Последняя фраза говорит о том, что отношения Гозыбая с российскими чиновниками и, видимо, с волостным управителем складывались неудачно. Гозыбай стал сельским старшиной одновременно с избранием на должность волостного управителя Мухаммад-Фазыла. Какими их отношения были в самом начале — напряженными или, наоборот, дружескими, теперь сказать невозможно. Но и у того и у другого имелись деньги, влияние и амбиции, чтобы укреплять и расширять свою власть (кстати, аштец был чуть моложе ошобинца, хотя в принципе их можно назвать ровесниками). У волостного управителя, однако, было преимущество — постоянные связи с колониальными чиновниками, через которых он мог легко воздействовать на Гозыбая или даже устранить его из числа конкурентов. Возможно, поэтому последний, прослужив старшиной до 1889 или 1890 года, решил не оставаться на этой должности, а способствовать избранию на нее своего младшего брата, что еще на три года продлило власть Таирбаевых в кишлаке⁸⁷.

В 1892 году на выборах в Ошобе Гозыбай и его братья потерпели, не без вмешательства, судя по всему, волостного управителя, новое поражение — на этот раз от ошобинцев.

Самое время теперь взглянуть на тех, кто противостоял семейству Таирбаевых. Новым сельским старшиной был избран Одинамат Исаматов. О нем из материалов дознания известно немного: 38 лет, несудим, неграмотен, у него был брат Нурмат (Нур-Мад, Нур-Мухаммад). В собранных мной устных родословных упоминались три брата: Одинамат, Нурмат и Исматулла, отцом которых был Исамат, бывший, по словам моего собеседника (внука Исматуллы), влиятельным и богатым человеком в кишлаке. Я уверен, что это те же самые люди. Хотя Одинамат был чуть старше своего соперника, Мирзаолима, он все-таки был слишком молодым, чтобы в нем видели признанного лидера ошобинского со-

⁸⁶ В воспоминаниях говорилось, что у Гозыбая было трое сыновей от жены из Кашгара и семеро — от жены-ошобинки.

⁸⁷ К слову, в разговорах со мной ошобинцы, говоря о Мирзаолиме, непременно называли его аксакалом, имя же Гозыбая упоминали без этого дополнения.

общества. Видимо, и за ним стояла какая-то теневая влиятельная фигура из числа его ближайших родственников. Кто это был, трудно сказать; возможно, его брат Нурмат. Кстати, в Ошобе все старики помнили Мирхолдор-аксакала, который был сыном как раз этого самого Нурмата Исаматова и занимал должность сельского старшины ближе к 1924 году — это говорит о том, что данное семейство сохраняло свое влияние еще долго после того, как конфликт с Таирбаевыми остался в прошлом.

Хочу отметить интересную деталь: братья Исаматовы и братья Таирбаевы принадлежали к одной и той же Кичкина-Урта-махалле. Это означает, в частности, что они были связаны между собой очень тесными взаимными обязательствами и, скорее всего, были не столь уж дальними родственниками⁸⁸. Иными словами, стычка во время выборов в 1892 году носила характер внутривосемнадцатоговекового соперничества разных семей и не вела к какому-то радикальному и необратимому переделу властных отношений. После конфликта братья Исаматовы и Таирбаевы продолжали оставаться в прежней системе взаимной зависимости.

Список сторонников Одинамата раскрывает новые любопытные факты. В нем, например, значится 49-летний Ишанхан-тура Батырханов, который был одним из немногих в Ошобе грамотных людей и поэтому, в частности, расписывался за остальных на разного рода составленных русскими чиновниками документах, он же «лечил» побитого волостного управителя (Илл. VII). Уже по имени — с такими титулами, как ходжа, ишан, хан и тура, — ясно, что перед нами представитель почитаемой религиозной семьи. Я еще расскажу об этой семье подробнее в другом очерке⁸⁹, здесь же отмечу лишь, что в силу своего особого происхождения Ишанхан должен был поддерживать тесные родственные и деловые связи с влиятельными аштскими семьями, которые имели схожий религиозный статус. Это, в свою очередь, возможно, объясняет поддержку им волостного управителя. Фигурирующая в деле сумма в 90 руб., украденная у его сына, была, я не исключаю, элементом финансирования избирательной кампании.

У Ишанхана, как представителя религиозной элиты, были собственные властные амбиции. Согласно документам, в 1880—1881 годах он

⁸⁸ См. Очерк 7.

⁸⁹ См. Очерк 8.

был сельским старшиной Ошобы⁹⁰, а позже, в 1899 году, если верить экспликации, которую я рассматривал выше, занимал должность пятидесятника. У Ишанхана были неплохие отношения с российскими чиновниками: в архиве мне попалось несколько документов, из которых видно, что в 1883 году он обращался к ним за разрешением осваивать новые земли и получил его⁹¹.

Другой сторонник нового сельского старшины — некто Имамбай Муллабаев, в чьем доме остановился волостной управитель. О нем мне известно немного. В 1880—1881 годах он был заместителем сельского старшины, которым тогда был упомянутый Ишанхан⁹² (напомню также, что их дома находились по соседству⁹³). В экспликации 1899 года Имамбай появляется в роли одного из ошобинских пятидесятников, там же к его имени добавлено прозвище «саркер» — название должности сборщика налога херадж в Кокандском ханстве. Из другого документа мы узнаем, что в конце 1880-х годов Имамбай имел дом в «местности Япукли» (сейчас Елугли — ниже Ошобы, в степи), а его сын Муминбай выполнял роль посыльного, передающего документы от тогдашнего сельского старшины волостному управителю (то есть от Гозыбая к Мухаммад-Фазылу)⁹⁴. Все эти данные говорят о том, что перед нами очень влиятельный человек, который имел тесные отношения с различными властными институциями. В современной памяти ошобинцев, правда, имя Имамбая Муллабаева оказалось почти стертым, так как его прямых потомков в кишлаке не осталось.

⁹⁰ ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 451. Л. 132. В документе его имя звучит так — Ишанходжа-Ходжи-Батыр.

⁹¹ По ходатайству Начальника Чустского уезда об отводе жителям кишлака Ашаба Ишан Хан Батурханову и Имамбай Батурбаеву в надел земли того количества, какое будет орошаться от вырытия ими колодца. 28 декабря 1882 — 2 мая 1884 г. // ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 23281. Л. 2, 8 об.

⁹² ЦГА РУз, ф. 19, оп. 1, д. 451. Л. 132. Правда, в источнике он, явно по ошибке, назван Исламом.

⁹³ В прошении колониальным чиновникам о разрешении пользоваться землей вокруг одного родника вместе с именем Ишанхана Батурханова упоминается имя Имамбая Батурбаева — возможно, речь идет о том же самом Имамбае Муллабаеве, так как часто в Средней Азии в качестве имен и фамилий употребляются разные прозвища и титулы. Выходит, что они могли быть еще и деловыми партнерами.

⁹⁴ См. Заключение.

Все эти сведения соблазнительно было бы интерпретировать в том духе, что события в декабре 1892 года были столкновением старой ошобинской элиты, имевшей налаженные связи с аштскими элитами и российскими чиновниками, и новой элиты, которая пыталась, используя деньги и популизм, закрепить свои претензии на власть. Но, конечно, фактов для такого обобщения не слишком много. В любом случае очевидно, что этот конфликт имел свою предысторию и свой контекст, которые были не особенно понятны колониальной власти.

Надо еще отметить, что перечисленными фигурами, которые так или иначе проявили себя на выборах сельского старшины в 1892 году, ряд претендентов на властные позиции в Ошобе вовсе не ограничивался. В экспликации 1899 года сельским старшиной Ошобы назван некто Бадалбай Мулла-Мирза Рахимов. В одном из документов, датированных 1900 годом, говорится, что ошобинский сельский старшина Мулла Мирза-Рахим Мухаммад-Назаров заступил в должность заместителя (кандидата) волостного управителя, которым тогда же стал аштец Мулла Аскар Мирза-Саидов. В рапорте сказано, что оба они «люди состоятельные, благонадежные и распорядительные»⁹⁵. Из других документов известно, что в 1901 году из-за болезни Муллы Аскара на должность волостного управителя временно назначен Мулла Мирза-Рахим Мухаммад-Назаров⁹⁶, а в 1903 году последний был уволен с должности ввиду преклонного возраста — ему было уже 70 лет⁹⁷. По-видимому, уйдя на повышение в последний год XIX столетия, сельский старшина Мулла Мирза-Рахим поспособствовал тому, чтобы на его должности остался сын Бадалбай.

В той же экспликации 1899 года в списке пятидесятников кроме знакомых Имамбая Муллабаева, Ишанхана Батырханова, Муллы Рахматуллы Халык-Назарова (который также был на стороне Одинамата Исаматова) можно встретить новые имена — Муминбая Абдувахидова, Маллабая Назарбаева и Давранбая Исламбаева. Из своих изысканий я знаю, что Давранбай Исламбаев — отец Одина-аксакала, исполнявшего обязанности сельского старшины где-то в 1910-е годы (по словам его сына, он

⁹⁵ ЦГА РУз., ф. 19, оп. 1, д. 7411. Л. 127.

⁹⁶ ЦГА РУз., ф. 19, оп. 1, д. 7501. Л. 121.

⁹⁷ ЦГА РУз., ф. 19, оп. 1, д. 8026. Л. 16.

трижды избирался на двухлетний срок), Муминбай Абдувахидов — это Муминбай-аксакал, который занимал должность сельского старшины в Ошобе в начале 1920-х годов⁹⁸.

Все перечисленные ошобинцы представляли наиболее значительные и сильные семейные группировки, за ними была также поддержка более широкого круга родственников, видимо, и других альянсов — по соседскому, приятельскому, экономическому признакам. Власть мингбаши и аксакала, хотя и легитимированная колониальным режимом, не была внешней по отношению к сообществу, она опиралась на всю сеть отношений и позиций внутри кишлака, передвигалась по этой сети, переходила от одной влиятельной семьи к другой и никогда не была абсолютной и надстроечной. Та или иная должность в колониальных институтах не была единственным механизмом влияния и обогащения, поскольку в руках ошобинцев сохранялись и другие ресурсы — экономические, социальные, культурные. Представители одной семьи могли уйти с официальных должностей, уступая место представителям других групп, терпели поражение в конкурентной борьбе, потом копили силы, опять побеждали и возвращали себе статусные позиции. Власть как таковая была не столько функцией установленного извне порядка, сколько результатом сложного баланса сил и ресурсов внутри самой общины.

* * *

Британский историк Александр Моррисон в книге «Российское управление в Самарканде» пишет, что «русские <...> не могли предотвратить подчинение местной управленческой машины тем, кто обладал властью на низовом, сельском уровне <...> Государственной властью и государственным авторитетом манипулировали, используя их в разнообразных целях, будь то личное обогащение или создание патронажной системы, посредством которой царское правительство замещало должности на местах. Провал был вызван не столько отсутствием реального принуждения, кадров или денег, сколько нехваткой знаний»⁹⁹. Автор считает, что Российская империя, как и все остальные европейские

⁹⁸ См. Очерк 2.

⁹⁹ *Morrison A. Russian Rule in Samarkand. P. 199, 200.*

империи в своих колониях, была неспособна установить эффективное управление в Средней Азии и модернизировать местное общество, превращая его в некое подобие себя или собственных представлений о современности и цивилизации. Моррисон отмечает не только слабость российской власти, но и преемственность между доколониальными и колониальными режимами, рассматривая местные элиты как заинтересованных участников имперского управления¹⁰⁰. Только подключение к внешним, колониальным механизмам доминирования еще и местных механизмов управления и регулирования давало российским чиновникам возможность господствовать в регионе, в том числе осуществлять свои проекты его трансформации, причем распределение выгод и дивидендов от этих проектов также было многосторонним и не обязательно несправедливым.

С тезисом о слабости российской колониальной власти спорить трудно. Если посмотреть на то, как чиновники использовали накопленные ими знания для контроля за локальными сообществами, такими как Ошоба, то окажется, что их знания были далеко не полными и даже ошибочными, а сама власть — неэффективной. А если удастся, убрав колониальное искажение, увидеть, что происходило в таких сообществах, то там обнаруживаются социальные разграничения, свои сильные и слабые, победители и проигравшие, свои противоречия и борьба, не сводимые к оппозиции колонизаторы/колонизируемые. Российские чиновники вынуждены были опираться на те или иные местные группировки, члены которых вольно или невольно превращались в коллаборационистов.

Однако я бы сделал тем не менее несколько уточнений к этому тезису¹⁰¹. Российская империя все-таки пыталась создавать на завоеванных территориях институты и пространства, которые могла бы обустроить полностью или почти полностью по собственному плану, — это города и промышленное производство (фабрики, железные дороги), русские и «русско-туземные» школы, суды, тюрьмы, клиники и так далее. От-

¹⁰⁰ Ibid. P. 5.

¹⁰¹ См. мою рецензию на эту работу: [Рец. на] Alexander Morrison. *Russian Rule in Samarkand, 1868—1910: A Comparison with British India* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2008). 400 pp., maps. ISBN-13: 978-019-954-737-1 // AI. 2009. № 2. С. 380—387.

дельные сельские районы, селения и социальные группы по тем или иным причинам также становились объектом пристального внимания колониальных чиновников, и они учились использовать свои знания, чтобы управлять ими. Контроль за этими ключевыми и опорными пунктами и сообществами позволял колониальной власти удерживать все завоеванное пространство в своем подчинении, не вникая в специфические детали, не заглядывая пристально во все уголки, не тратя времени и средств на их изучение. Значительная часть местного общества, особенно в стороне от городов и железных дорог, продолжала, конечно, жить в соответствии со своими классификациями времени, географии, истории и социальных делений, но и она менялась, пусть очень медленно, незаметно, в результате множества хаотических движений, без какого-то плана и прямого воздействия со стороны колонизаторов. Постепенно колониальное влияние кумулятивно набирало силу, власть расширяла сферу своего контроля, захватывала все новые и новые области — в территориальном и социальном смысле, рекрутировала и сама возвращала лояльных «туземцев». Эту динамику следует учитывать, внося соответствующую поправку в оценку колониальной политики в Туркестане.

Далее, тезис о слабости российской власти вовсе не означает, что мы не должны говорить о колониальном характере присутствия Российской империи в Средней Азии и существенной диспропорции между российскими завоевателями, подчинившими себе регион, и местным обществом, которое оказалось в составе страны с иной политической и культурной системами¹⁰². На мой взгляд, мы должны видеть все пространство колониальной власти, которое не было гомогенным — в нем были точки сильного и слабого напряжения противоречий, в одних таких точках конфликт между колонизаторами и колонизированными был острее и предопределял динамику событий, в других колониальные диспропорции были менее заметными, чем диспропорции внутри самого местного общества. Сам факт того, что история одного конфликта

¹⁰² Здесь я встаю на сторону антрополога Николаса Диркса, который упрекал сторонников кембриджской школы за то, что они недооценивают конфликтное напряжение между колонизаторами и колонизированными: *Dirks N. Castes of Mind: Colonialism and Making of Modern India. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 303—315.*

ИМПЕРИЯ

в Ошобе стала предметом внимания, разбирательства и попытки описания со стороны российских администраторов, говорит о том, что неравенство между колонизаторами и колонизированными реально существовало.

Мы видим, что появление в кишлаке российских приставов и следователей, наверняка сопровождаемых военной охраной, было решающим моментом в цепочке событий — именно они, неважно по каким соображениям, провозглашали окончательный вердикт и наказывали виновного, утверждая тем самым свое господство в этой ситуации. Появление вслед за солдатами переписчиков и землемеров, которые никого не репрессировали, а описывали самих ошобинцев и их имущество, означало, что колониальная власть по крайней мере претендует на вездесущность, вводит новые правила и ограничения, становится более навязчивой и требовательной. Таким образом, одновременно с тем, как линии взаимодействия растягивались и опутывали общество, количество точек с сильным напряжением, да и само напряжение нарастали, конфликты смещались к ним, создавая условия для грядущих восстаний и войн, о которых я уже рассказал в предыдущем очерке. Собственные, внутренние иерархии и противоречия в Ошобе сохранялись, как сохранялась и некоторая замкнутость, закрытость этого мира для внешнего наблюдателя, но империя настойчиво вмешивалась в локальную жизнь, предлагала не виданные ранее возможности и вызывала в ответ и новый интерес, и новые возмущения.